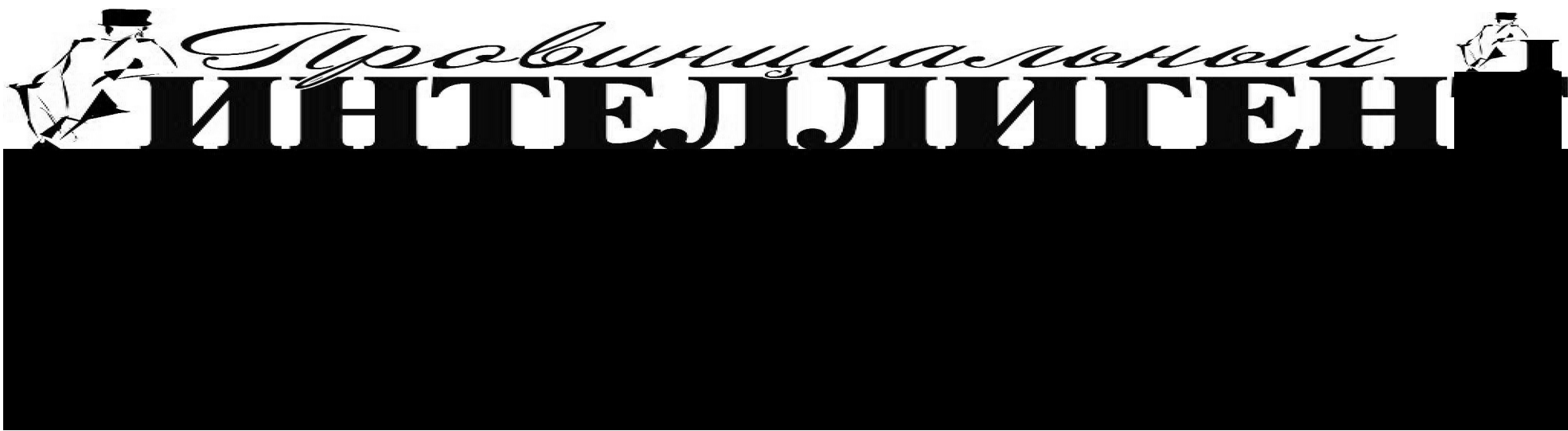

Международная литературно-публицистическая газета. №2 (19), февраль 2011 г. www.gazeta-pi.ru

Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в конце газеты.

Уважаемые авторы художественных произведений, стихов и прозы. Если вы хотите, чтобы ваши работы были опубликованы в иностранных изданиях, обращайтесь в редакцию «ПИ 1»

От редакции

НАША ЗАДАЧА – ВЗАИМНОЕ ПОНИМАНИЕ

Газета «ПИ 1» изначально заявила себя народной. Печата-
ться в ней могут все. Ради этого редакция газеты пошла на
смягчение требований к текстам. И теперь на ее страницах
встречаются очень сильные произведения и такие, которые
могли бы и не печататься. Начинаящим авторам тоже нуж-
на стартовая площадка, где их первые творческие изыскания
смогут не только оценить по заслугам, но и преподать опыт
конструктивной критики, которая авторам пригодится в даль-
нейшем творческом росте. Теперь в нашем издании будет ве-
стись уголок стилиста, который открывает представитель «ПИ
1» из города Санкт-Петербурга Феликс Дымов. Стараниями
энтузиастов газета уже превратилась в международный куль-
турный центр. Обращаем внимание всех авторов и читате-
лей, что на этот серьезный проект не выделяется ни рубля по-
мощи от государства. Маленький международный коллектив
редакции и независимые представители регионов России,
дального и ближнего зарубежья – это всё, что мы имеем на
сегодняшний день. Но и это оказалось великой силой! По все-
му миру мы нашли единомышленников, таких же энтузиастов
и творческих людей, готовых вносить свою лепту в развитие
проекта. Учредителями газеты «ПИ 1» в г. Санкт-Петербурге
открыто новое международное издание «Интеллигент», где
главным редактором является Феликс Суркис, его заместите-
лем назначена Наталья Богданова. Произошли изменения и в
редакционном совете газеты «ПИ 1». На должность главного
редактора утверждена Дина Лебедева, зарекомендовавшая
себя активной помощницей по всему нашему проекту.

Хотелось бы привлечь внимание отдельных авторов,
которые обращаются непосредственно в редакцию газеты,
присылая на рассмотрение свои произведения. Подчерки-
ваем, любой автор может выслать нам свои материалы, даже
если он из региона, где есть представитель нашего проекта,
но все же мы советуем, что удобнее всего обращаться имен-
но к нашим представителям. Если же автор из региона или
страны, где еще нет представительства нашего проекта, тог-
да он может попробовать себя в роли такого представителя и
уже компактно представлять творчество своего региона или
страны.

Сайт нашей газеты открыт совсем недавно и на нем будут
размешены все материалы, которые публиковались в «ПИ», в
«ПИ 1» и те, которые будут публиковаться в новом между-
народном издании «Интеллигент» города Санкт-Петербурга.
Представляем читателям некоторые статистические данные
за короткий период существования сайта:

В среднем за месяц было 1007 посещений (сессий) и
16948 просмотров страниц сайта. За четыре месяца на сайте
были посетители из 31 страны. Регулярно нас посещают из
14 стран. Из среднесуточной посещаемости за четыре месяца
приходится: Россия - 65,1 %, Финляндия – 7,9 %, Украина
– 5,9 %, США – 4,3 %, Израиль – 3,2 %, Латвия – 3,2 %,
Германия – 3,1 %, Беларусь – 1,7%, Казахстан – 1,2 %, Ни-
дерланды – 1,1 %, Испания – 0,6 %, Новая Зеландия – 0,5%,
Литва – 0,5%, Великобритания – 0,3 %.

Также наш сайт посетили читатели из Канады, Италии,
Турции, Португалии, Армении, Узбекистана, Польши, Ма-
рокко, Грузии, Швеции, Ирландии, Кипра, Австрии, Фран-
ции, Эстонии, Молдавии, Норвегии. Доля посетителей из
каждой перечисленной выше страны составила менее 0,3 %.

По регионам России за период с ноября 2010 по январь
2011 наибольшее число посетителей было: Москва – 21 %,
Петрозаводск – 17 %, Санкт-Петербург – 11,6 %, Тула -8,8 %,
Казань – 3,4 %, Новосибирск – 2,8 %, Екатеринбург – 2,8 %,
Красноярск – 2,2 %, Уфа – 1,8, Краснодар – 1,7%.

Интересен состав посетителей сайта по возрасту и полу:
мужчины старше 45 лет - 42,4 % от среднесуточной посещае-
мости, женщины старше 45 – 10,6 %, мужчины 35-44 – 10,2
%, женщины 35-44 – 5,1 %, мужчины 25-34 – 7,6 %, женщины
25-34 – 5,6%, мужчины 18-24 – 6,6%, женщины 18-24 – 5%.

По всем вопросам, связанным с сайтом, в т.ч. при обна-
ружении каких-либо ошибок и неточностей, обращайтесь к
Алексею Ильину по e-mail: axelil74@mail.ru.

Дни Карельской культуры

Татьяна Дунаф
п.Ледмозеро

СЛОВА

Ты обронил случайные слова,
Они, как птицы, с губ твоих слетели
С хрустальным звоном на пол, и едва
Осколками мне сердце не задели.

Я отошла, попятилась назад,
Облокотилась на стену устало.
Любовь... Она не ведает преград,
И руки жгут морозные кристаллы.

Но мне не больно, где-то в глубине
Моей души бездонного колодца
Так много дней мечтает о весне
Еще живое маленькое солнце.

Его лучи касаются любя
Колючих слов, их в слезы превращая.
Ну, вот и все...и больше нет тебя...
Встречаются...прощаются...прощают...

Прощай! Не закричу тебе я вслед,
Не побегу сквозь мертвые границы!
Ты знаешь, а пройдет не много лет,
И сказанное нами повторится.

В ладошки по крупинкам соберу
Твои слова, как розовые стразы.
Я знаю, превратятся поутру
Они в живую, сказанную фразу.

Пусть это будет правда на земле...
А что мечты? Они невероятны.
Но ты вернешься где-то в феврале,
И ты возьмешь слова свои обратно...

Дина Лебедева
г. Петрозаводск

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ПАПЫ

Уколола пальчик – больно,
отозвалось сердце скорбью –
рана на душе...
Где не прочно, там и рвется,
только жизнь вперед несется
без тебя уже...

Снег на холмик ляжет,
слово люди скажут...
и сквозь пальцы время, как песок.
Делая нас старше, -
память даты свяжет,
календарный оборвав листок.

Где-то там за непогодой -
будут весны, будут всходы,
и тоска пройдет...
Но средь праздников и будней
ты поверь, мы не забудем
этот день и год...

Спи спокойно, папа...
пусть молва крылата –
весточку земную разнесет...
С птицами - цветами
Будешь вечно с нами,
продолжая памяти полет.

Наталья Протас
п.Эссоила

НАСТРОЕНИЕ

Опять проходят люди мимо дома,
Опять спешат (откуда и куда?)
Знакомых лиц,
А чаще незнакомых
За окнами проходит череда.
А сумерки густеют за стеклом
И звезды там не по-ночному редки,
И думается только об одном...
А ветер-озорник спешит
И задевает ветки,
И кружит листья...
Только и всего.
Соседние дома.
Скамеечка.
Ограда.
А больше там и нет уж ничего.
А, может, больше ничего не надо?

Валерий Рубушков
г. Петрозаводск

КАРЕЛИЯ – благословенная земля

Душа моя давно
в подлунном мире,
А прах лежит в земле,
холодной и чужой.
Здесь плохо, как
в необжитой квартире.
О люди добрые! Возьмите
прах домой!
В Карелию! Где Родина
моя,
Где прахи наших дедов
и отцов,
Где та благословенная
земля...
Что породила многих
мудрецов...

ВТОРАЯ МАМА

Вот и май наступил, снова год позади,
Ты грустишь, провожая питомцев.
Сколько было их на тернистом пути,
Всех старалась понять,
Лаской всех обогреть,
Ключик к каждому сердцу найти.
Ты учила всегда их правдивыми быть
И по жизни честно идти.
Все проблемы свои приносили с собой –
Вместе ж легче их разрешать.
Радость общей была,
да и в горе порой
приходилось тебе утешать.
Годы шли, вырастали одни,
Им на смену являлись их дети
И для этих ты тоже как мама была –
Самой доброй и мудрой
на свете.

Вновь весна на дворе
И последний звонок.
Провожаясь питомцев ты снова.
На пороге дороги во взрослую
жизнь
Ты желаешь им счастья
большого.

Смотрю с высоты на раскинувшийся у моих ног город и узнаю, и не узнаю его.

Так сложилась судьба, что живу я далеко от города детства и редко приезжаю. Но в каждый приезд прихожу сюда, на смотровую площадку, чтобы поприветствовать мой любимый город.

Много изменений там, в правобережной его части – новые спальные кварталы протянулись почти до второй плотины, где в детстве мы с друзьями ловили замечательных раков; новый храм золотыми куполами, кажется, даже в пасмурные дни освещает город; новый мост - Казачья переправа - связал правобережье и старый город в том месте, где в давние времена стояла казачья станица.

Нахожу взглядом цирк, в квартале за ним ждет меня сегодня встреча с человеком, которого я однажды видела «живьем».... В студенческой юности.

Римма Дышаленкова, поэтесса, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, Член-корреспондент Академии литературы, тележурналист, человек, преданный Магнитке до глубины души.

И вот я на крохотной кухне на пятом этаже хрущевки. Совсем недалеко вовсю трудится едва ли не самая длинная улица города – проспект Карла Маркса, но здесь внутри квартала стоит тишина, и ничто не мешает нашей беседе за чаем с тортиком.

Римма Андриановна: Ты не серчай, мила дочь, что на кухне тебя принимаю. Привычка с давних лет – кухня это место общения. Задавай свои вопросы!

Надежда Сергеева (смеюсь): Так я на такой же кухне выросла, так что совсем не против. Римма Андриановна, расскажите о вашем детстве.

Р. А.: А тут и рассказывать нечего. Как и у всех моих сверстников – трудное детство. Я ж в войну родилась, родители погибли и остались мы с сестрами сиротами. Семь девчонок мал мала меньше, но старшие помогали младшим, так и сдюжили. Старшим сестрам за то моя благодарность и низкий поклон.

Н.С.: Как складывалась ваша жизнь после окончания школы?

Р. А.: Как и многие девчонки той поры, влюбленные в Орлову, Касаткину, Ладынину, я хотела стать артисткой. И подалась в Москву поступать, но ничего из этой затеи не вышло. Вернулась на Урал, поступила в Саткинский горно-керамический техникум на технолога силикатов. За год до его окончания вышла замуж, а уж после техникума перебрались с мужем в Магнитку. В 60-тые туда много молодежи стремилось. Легендарная Магнитка!

Н.С.: Работали на металлургическом комбинате?

Р.А.: Вот стихи с той поры

*Судьбы неясное начало
сравнимо с обжигом в печах.
Я жизнь в Магнитке начинала
на сортировке кирпичка.*

Был и комбинат, потом довелось поработать арматурщицей в тресте «Магнитогорскстройпуть», а также на цементном заводе.

Н.С.: А как же литература?

Р.А. (улыбается): Вся моя литературная практика проходила в свободное от работы время. Я ж стихи писала еще в школе, стенгазеты выпускала. И в техникуме тоже. А в Магнитке мои первые стихи и в газете «Магнитострой» напечатали.

Н.С.: Кто же были вашими литературными наставниками?

Р.А.: Хорошие люди и поэты – Нина

Магнитка... Магнитогорск...

Кондратовская, Станислав Мелешин, Владимир Машковцев.

Они были руководителями, наставниками нас, молодых поэтов, в городском литобъединении.

Н.С.: Римма Андриановна, а вы встречались с Борисом Ручьевым?

Р.А.: Борис Александрович, — это отдельный разговор! Именно с его благословения я поступила в литературный институт имени Горького в Москве. Не он бы, я и не решилась бы. И вот какая притча со мной случилась при поступлении. Почти на всех экзаменах по современной русской литературе мне попадались билеты по творчеству Бориса Александровича. Представляешь, как экзаменаторы удивлялись!? Так и говорили: «Ну да, за вами же Ручьев стоит».

Н.С.: А первая книжка? Расскажите о ней.

Р.А.: В 1978 в московском издательстве «Современник» напечатали мой первый сборник стихов «Четыре окна», посвященный рабочему Уралу. Вот, глянь (подает мне небольшую книжку).

Я полистала сборник, взгляд выбрал стихотворение, знакомое с юности:

Жар-птицы

*Что со мною случится?
Надо мною вчера
обронила жар-птица
два горячих пера.*

*Жароптицeve перья
тихо в косы влету.
Жароптицево пенье
я в саду заведу.*

*На Урале — зарницы,
всюду — огненный труд.
Вылетают жар-птицы
из мартеновских труб.*

*Я боялась, что счастье
не заметит меня:
птицы мимо промчатся,
опереньем звеня.*

*Поселилась жар-птица
в тихом сердце моем,
мне светить и светиться
самым ясным огнем.*

Н.С.: Римма Андриановна, я знаю, что вы стояли у истоков магнитогорского телевидения.

Р.А.: Точно. Десять лет проработала промышленным редактором на телевидении. Делала репортажи о жизни комбината.

Н.С.: А была любимая передача?

Р.А.: Был целый цикл передач об интересных людях завода «Цеху нужны чудaki». Интересно было с людьми встречаться, о них телезрителям рассказывать. После городского телевидения я поработала года два редактором телевещания в горном институте, тогда это в новинку было.

Н.С.: Римма Андриановна, расскажите, пожалуйста, о вашем сотрудничестве с магнитогорской хоровой капеллой.

Р.А.: У меня тогда вышел сборник «Уральская кадрили», главным произведением которого стала одноименная поэма в танцах, песнях, притчах, заговорах и частушках, основанная на уральском фольклоре. Композитор Владимир Сидоров написал на эти стихи кантату «На Урале заводском», которую и исполнила Магнитогорская хоровая капелла. Потом и других песен было немало.

Н.С.: Римма Андриановна, когда мои дети были маленькими, они очень любили вот такой стишок –

*Я сегодня на носу
околесицу несусь!
Небылица, путаница,
выдумка, нелепица —
очень весело зовется
словом — околесица.*

Р.А. (рассмеялась): Ай, порадовала меня, мила дочь! Значит, и вам согдилось книжка моя детская. Первый мой опыт стихов для детей. — «Чудесный самолёт. Разговор с очень взрослым сыном». Спустя лет семь я еще книжку выпустила – «Про Колябу-Молябу», там много забавных стихов детских было.

*И в трамвае, как в карете,
К нам в театр едут дети.
Вверх по лестницам широким,
К люстрам звонким и высоким,
Вдоль паркетов и зеркал, —
Прямо к Золушке на бал.*

Н.С.: Несколько лет назад попала мне в руки ваша книга «Прощальное слово о знахаре». Признаюсь, многое в ней стало для меня откровением. Вот, например, грани числа 9. Как вдруг вы открыли для себя это?

Р.А.: Однажды во сне я услышала четкую фразу: «Математика — это сообщение». Я привыкла прислушиваться к текстам, звучащим во сне. И я привыкла любоваться тем, как трудится число, как «стучат инопланетные часы». Некоторые числа накопили о себе обширную биографию. Именно «био», потому что человек связывает «инопланетные часы» со своим биологическим организмом. Единицу так просто и считают «семенным» числом. Сложная фигура умолчания — число 13 — предупреждает нас о подстерегающих зонах риска. Немыслимо таинственно значение числа 22. Оно, якобы, соединяет число с буквой, а буквы, нанизанные на число, как жемчуг на нитку, дарят нам Слово. Куда ни глянь – окружают нас грани числа 9. И алмазно, и кристально мерцают перед нами культура числа девять. Только надо постараться увидеть это, услышать, вернее, прислушаться, поверить и принять.

Писателю дано удивительное право – донести до читателя неведомое. Многое недоступно уму человека. Это недоступное рядом. Живет своей жизнью. Соприкасается с нашей. Из этого прикосновения возникает одно из главных чудес: оказывается, сама жизнь сюжетна. Писателям остается с послушным удивлением следовать за непостижимой тайной: ну, почему течение жизни имеет ярко выраженный сюжет? Кто же этот главный сочинитель жизни? Вот только протяни руку — и заплетенный, как ладная корзинка, сюжет жизни рядом.

Н.С.: Римма Андриановна, все мы, дети 20 века, жившие в годы, как теперь принято говорить, «застоя» воспитывались и росли атеистами. Мы впитывали это с материнским молоком, но я уверена – каждый в глубине души верил. Пусть не в Бога, но в какую-то Высшую силу. Читая ваши произведения, отмеченные новым, 21 веком, я заметила существенную разницу. Вы многое посвящаете духовной жизни человека.

Р.А.: С годами у каждого меняется представление о себе, о мире, о месте человека в этом мире, о том, что скрыто в глубине его души. И я не избежала этого изменения. А подтолкнуло меня к этому, наверное, знакомство с Аркаимом. Вот где сокрыто духовное начало жизни!

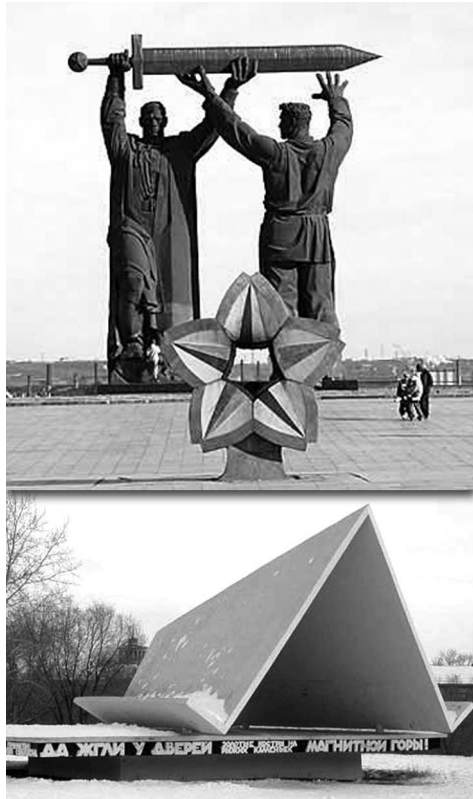
Там, в этом городище, ощущаешь себя песчинкой мироздания, частью первейшей русской цивилизации.

Н.С.: Я слышала, читала об Аркаиме, но побывать там не довелось.

Р.А.: Жаль. Надо там побывать обязательно. Ведь он — представитель биологической цивилизации. Это же шестнадцатый век до нашей эры. Люди тогда были послушны природе, в ней искали аналог и через этот аналог выходили на связь с Богом, с Космосом, с дождями, снегопадами, с огнем и водой... Ты только задумайся, мила дочь, Аркаим — начало русской цивилизации! Понимаешь? Урал, провинция, как нас называют, стоял у истоков того, что сейчас называется Россией! И Аркаим не мертвый город! Он живет своей жизнью, по своим законам, неподвластным времени. Меня очень увлекла идея «биологической цивилизации», живущая в гармонии с природой так, как это делали наши предки до наступления эры технического прогресса.

Мы долго говорили о тайнах Аркаима, о том, что он ровесник Египетских пирамид. Римма Андриановна с воодушевлением рассказывала о таинственных происшествиях с людьми, побывавшими там... Но это всё — тема совсем другого разговора... Но вернемся в квартиру Риммы Дышаленковой.

Р.А.: Я много посвятила Аркаиму и стихов, и прозы.

*На Аркаиме лебединый крик:
огнепоклонник мечется в экстазе,
он под землей услышал праязык,
он над землей увидел проторазум.*

*Ах, Аркаим — ровесник пирамид,
потерянный посланник Аркаиды,
здесь град небесный на земле лежит,
но град небесный нам уже не виден.*

*На Аркаиме маги и жрецы
вершили жизнь, как звездное искусство,
отсюда шли по свету мудрецы,
здесь, может быть, родился Заратустра.*

Н.С.: Е.Евтушенко когда-то сказал: «Поэт в России больше, чем поэт...», имея в виду его ответственность за сказанное слово. В данном контексте хотелось бы спросить, каково Ваше главное жизненное кредо, как поэта? Как человека?

Р.А.: Прекрасный вопрос. Однажды Л.Мартынов написал такую фразу в стихотворении «Ты этой книгой никого не спас» (строка эта была направлена к самому себе). Меня это потрясло, и жизненным кредо, как поэта (ладно уж, пусть буду так называться для удобства), стало для меня «Быть указательным знаком к Небу».

Как человека? – я вполне согласна и стараюсь придерживаться библейского, опять же, принципа «Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» 1Пет.2:17. Если не отступать от этих принципов, тогда вполне исполнится и написанное в Притчах Соломона 16:7 «Когда Господу угодны пути человека, Он и врагов его примиряет с ним».

Я живу в обществе Верховного Существа. Это очень приятное общество. Кое-кто из людей двадцатого века помнит, но многие совсем забыли, что Верховное Существо сплетается из наших лучших мыслей и чувств. Это похоже на то, как наматывается клубочек ниток. Только это происходит вверх — у нас над головами. Вообще Верховное Существо похоже на круглую сверкающую копилку из наших лучших намерений. Оно благородно, полно любви, оно приветливое и смешливое. Похоже на эхо смеха. Созданное из всех нас, оно незаметно приходит на помощь...

Н.С.: Римма Андриановна, у вас много разных наград за ваше творчество, за вашу просветительскую деятельность. Но есть ли награда наиболее вам дорогая?

Р.А.: Вряд ли это можно назвать наградой в полном смысле этого слова... (улыбается). Но одно из самых дорогих признаний моего творчества я неожиданно обнаружила в 1981, приехав на празднование 225-летнего юбилея Сатки. Представляешь? У въезда в город всех гостей встречает красочный щит со строчками из стихотворения «Четыре окна»:

*Меж гор безымянных, в туманном распадке
гнездится касаткою город мой Сатка.
О Сатке тоскую, о Сатке пою,
там сосны застыли в былинном строю
Вот это – дорого!*

Н.С.: Что бы пожелали нашим читателям и коллегам по перу?

Р.А.: Не ленитесь, не ленитесь, радуйтесь! Ведь вы пришли в этот мир радоваться, а не плакать!

Беседу вела Надежда СЕРГЕЕВА

Санкт-Петербург

Уголок Стилиста

УРОК ПЕРВЫЙ

Помню свой первый ляп в школьном сочинении: «и в жару пахал он и в морозы», как будто кто-то в морозы пашет. За долгую редакторскую жизнь много встречал интересных фраз. Например: «Пот стекал у него со лба за шиворот»...

Научить писать никого нельзя. Но каждый шлифует свое ремесло в общении с коллегами. И при анализе чужих ошибок.

Предлагаю открыть на страницах «ПИ 1» УГОЛОК СТИЛИСТА, в котором будут разбираться примеры ляпов из наших же произведений. Авторы не называем, чтоб ему (ей) не было неловко. Но такие уроки будут полезны всем. Дело в том, что шероховатости, языковые несурзности, несочетаемости слов обычно вполне типовые. Давайте их рассматривать и объяснять. Каждый автор, каждый представитель может с пользой для себя принимать участие в этой работе.

Итак, чаще всего встречаются в стихах неосторожное обращение с ударением. Причем, в отдельных случаях автор не знает, где в слове нужно обозначить акцент. Ну, тут надо не полениться и в сомнительных случаях заглянуть в Орфографический словарь. Гораздо грустнее, когда помещают слово в строке так, что ударение в нем комкается, потому что метрический ряд выстроен неверно.

Примеры:

Сделай так, чтоб мой топор

Моим и остался...

Слово моим требует ударения на 1-м слоге – МОим. При чтении приходится его пришепелявить, сглатывать. Лучше поискать двусложный эпитет с ударением на первом слоге. Нашим и остался, мне же и достался и т.д.

Отлично зная своё дело

Аналогичный случай. Требуется свОе дело...

Свою Украину видеть всегда рада

Опять: ритм требует всЕгда рада...

И мое сердце было тобой выпито

Требуется мое

А вот просто неправильная постановка ударения:

ДАровать – но литературная норма ДаровАть; молодЫ – МОлоды; брЯцать – бряцАть (путают со словом брякать).

С ударениями связана еще одна неправильность.

Тянет Тузик поводок -

Поскользнулся и на бок.

Есть устойчивые выражения, где в сочетании существительного с предложением ударение переходит с существительного на предлог: в данном случае нА бок. К таким, например, относятся пОд ноги; нА пол; Об пол и т.д.

Русский язык очень вольный. Но иногда в сложных запутанных выражениях автор хотя бы для себя должен отыскать подлежащее и сказуемое. Как можно расшифровать такие строки:

Подозреньем веет от сторон,

Провожая недовольным взглядом

И что здесь происходит? Как говорится, кто кого? Бессмертный пример подобной несурзности привел в своих записных книжках Чехов: «Подъезжая к станции, ветром сдуло шляпу...»

Иногда, по недосмотру автора, рождается неуклюжий каламбур: «готовясь к экзаменам на крыше сарая»

И как это понимать? Автор готовится на крыше сарая или экзамены будет сдавать на крыше сарая?

Или вот:

то ли какие-то птицы курлычат,

то ли колдуньи словесный узор.

Незадуманный смысл – то ли колдуньи курлычат словесный узор.

Очень странно, но следующее выражение я встретил дважды на страницах «ПИ 1» и еще много раз в других изданиях:

Спадает с клёнов яркий листопад

Да не может листопад ниоткуда и никуда спадать, потому что он и есть явление падения, ниже падать некуда. Падает всё-таки листья.

Звуки глухих песен не поют

Почти то же самое. Звуки ничего не поют и не могут петь, словом звуки обозначают явление природы, а дальше, как правило, дается расшифровка, как это самое явление себя проявляет: звуки песен или, с учетом характера звука, рокот прибой.

Встретилась фраза:

расскажи мне легенды, которые вторит прибой

Царапнуло. Я привык слышать и говорить «вторит кому, чему». Просмотрел словари. Везде так же. Только в словаре Ефремовой есть вариант толкования «вторить - исполнять вторую партию». Но всё равно с таким падежным окончанием предложение не «строит».

Часто повторяемая в литературе ошибка – текст реплики в разрыве прямой речи. Примеры:

- Порядок, - кивнул Глеб

- Ну, давай, - кивнул в сторону самолета инструктор

- Не паникуй, - понимающе улыбнулся Глеб.

Во всех этих выражениях ошибка в построении фраз. Ну, как можно «кивнуть порядок»? «Кивнуть слова «Ну, давай»? Или, того не легче, улыбнуться словами «не паникуй». Всё дело в том, что это сокращенная форма косвенной речи. Если бы было написано полностью: «кивнув, сказал Глеб», «буркнул инструктор, кивнув в сторону самолета», «Не паникуй, попросил Глеб, понимающе улыбнувшись». То есть восстановлен глагол, обозначающий произнесение слова. Но есть и правильная краткая форма. Для этого часть прямой речи перед репликой должна заканчиваться точкой, вопросительным или восклицательным знаком, а говорящий персонаж ставится в именительном падеже и на первом месте реплики. Привожу правильную форму:

- Порядок. - Глеб кивнул.

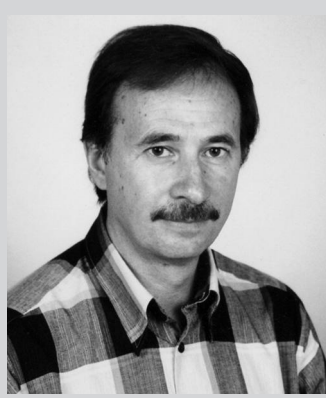
- Ну, давай! – Инструктор кивнул в сторону самолета

- Не паникуй. – Глеб понимающе улыбнулся.

Кстати, в последней фразе призыв не паниковать не очень сочетается с сопровождающей этот призыв улыбкой.

Если народ посчитает такие уроки полезными, то я готов и дальше внимательно прочитывать тексты и вести УГОЛОК СТИЛИСТА.

Феликс Дымов, представитель «ПИ 1» в городе Санкт – Петербурге.

Виорэль Ломов

Окончил Московский энергетический институт. Теплофизик. Большую часть жизни работал в институтах и на предприятиях Минатома в Новосибирске. В 2000-х гг. несколько лет был ответственным секретарем литературного журнала «Сибирские огни». Тогда же опубликовал 4 романа, несколько повестей и рассказов в «Сибогнях», «Октябре», «Роман-газете», «Крещатике» (Берлин) и др. Несколько книг очерков. В 2006 г. в Москве вышел двухтомник «Град Мурлов и его обитатели» и «Солнце слепых». (Я их все разместил на сайте Проза.ру). В 2009-2010 вышли три книги в «Вече» - «100 великих зарубежных писателей», «100 великих романов», «100 великих русских писателей». Получил несколько премий за романы. Два раза номинировался на «Нацбест». Роман «Архив» в 2006 г. вошел в шорт-лист Яснополянской премии им. Л. Толстого. Живу в Москве и Новосибирске.

Прозрачные и непрозрачные мысли (отрывок)

Некоторые странности

Странно, можно достичь чего-либо, только превозмогая себя. Стоит попытаться по течению, чувствуя при этом гармонию с миром, — это путь никуда.

На первой еще несовершенной клавиатуре моего компьютера почему-то первой стерлась буква я — а ведь я о себе пишу редко, почти никогда. Стыдно о себе писать, разве что с иронией или издевкой. Хотя для каждого человека его «я» — наверное, единственный, кого не хватает вокруг. Я проявляется в каждом слове, где есть эта буква, как, например, в названии реки Яя. Она течет где-то в Кузнецком Алатау и несет не просто свои воды, а и неумную человеческую гордыню.

Буква стерлась скорей всего потому, что все мои персонажи говорят о себе. О ком же еще им говорить, если они крутятся вокруг собственной оси — эгоизма, славной головоногой буквы я?

Странного в моей жизни, кроме нее самой, ничего не было. Удивительным образом я ее никогда не ощущал. Не чувствовал, не понимал, не мог составить о ней никакого мнения. Оглядываясь назад, отчетливо вижу себя и жизнь, как два разных и не пересекающихся друг с другом пути. Не знаю, как другие люди воспринимают свою жизнь, может, они и вовсе не думают о ней, а я не могу взять в толк: как она, достаточно долгая, наполненная разными событиями, умудрилась пройти мимо меня? Или это я проскочил, не заметив ее? Но — как? Ведь я каждый день жил в ней? Множество сверстников заняли «свои» места в жизни — это вполне закономерный результат их устремлений, завоеваний, суесть, подлости, удачи. А я свое никак не чувствую «моим». Может, я занял чужое? А где же мое место? Может, кто-то из них занял его? Кто? Зачем? И что он там делает вместо меня? И куда мне теперь деваться и что делать? Или поздно что-то уже начинать, а скорее бы довершить то, что еще не начал? Ответа нет. Да он мне и не нужен.

Я никогда не мог понять тех, кто еще на заре туманной юности очертя голову кинулся в гущу жизни, пытаюсь положить на лопатки толпу и выхватить изо рта кусок пирога, уже отравленный чужой слюной.

Мне никогда не быть среди тех, кто судит, среди тех, кто управляет, среди тех, кто правит бал, среди тех, кто на этом балу танцует. Мне никогда не упиваться весельем на чумном пиру, и никогда не грызть каштаны, которые все вокруг таскают из жара. Мне плевать на звания и успех, мне противны бездари на окладе власти и бездари на трудовых гробах еще больших бездарей, чем они. Мне по большому счету все равно, что обо мне скажут, мне, может быть, не безразлично только одно: я не хотел бы стать в чужих или собственных глазах подлецом.

Странно смотреть на фотографию умершего человека, всю жизнь озабоченного только тем, как от нее получить больше. И вот когда он получил от нее всё и застыл на фотографии в своей черно-белой или цветной глупости, как мошка в янтаре, удивительно, что с лица его так и не сошла жадность. Прости мне, Господи, эти слова, они не плохие и не хорошие. Они — никакие. Они — ни о ком. Они — просто о человеке и его глупости. Они — в том числе, и обо мне.

Время ронять мысли

Мысли приходят сами по себе, как кошки, и, как кошки, сами по себе уходят — когда-то я написал это, но не избавился от мысли. Они по-прежнему приходят, не спрашиваясь. Часто не ко времени. Пришла — и что делать с ней? Надо же что-то делать, а то не уснешь. На дворе ночь, а на часах и вовсе полночь. Обе стрелки, часовая и минутная, замерли, будто навеки устремившись в зенит. Они еще несколько мгновений удерживают вес полуночи, несколько мгновений показывают свое

точное время. Несколько мгновений, в каждом из которых вечность. Поразительно, есть «спонсор точного времени». По ТВ называли его. Жаль, не запомнил, кто бы это мог быть?

Кстати, в словах «полдень», «полночь» есть недосказанность, обещающая впереди нечто полное и цельное, хотя именно эти слова являются стержнями дня и ночи, на которых, как на булавках, трепещут белая и черная бабочки, как две стороны вечности.

Как порой прозрачны мысли! То ли льдинки, то ли паутинки, то ли воздух октября. И все это ближе к зиме. Часто во сне. Они звучат как музыка. Перефразируя поэта, когда б вы знали, из каких кошмаров приходит мне мелодия во сне...

Однажды утром заметил, как в зеркале промелькнула судьба. Она, наверное, мелькает там каждый день. А потом подумал: нет, судьба не мелькает, она даже не отбрасывает тень, судьба высится как Эверест, ее не обойдешь, ее не покоришь. Это должно быть заглядывал мой Черный человек.

Время ронять мысли настало. Кто соберет их — ветер, дворник? Смоет ли их поток ливня или растаявшего снега — почем знать? А может, кто и поднимет, обратив внимание на причудливый окрас или изрез, как у кленового листа. Высушит, а потом засунет между страницами любовного романа или памятника философской мысли. Мысли роняешь безблестенно, так как они давно уже перезрели. Мысли роняешь незаметно, так как не собираешься ими засеять плодородные почвы. Роняешь просто так, от безразличия и немоги тела. Роняешь так же просто, как когда-то ронял семя.

Отчего образуются камни и песок — в почках, печени, желчном пузыре? Оттого, наверное, что окаменевают мысли и чувства, а надежды и замыслы рассыпаются в песок. Оттого, быть может, что это окаменевают сама энтропия, выпадает в осадок не реализованная и не пригодившаяся информация. Оттого, скорее всего, что страх перед жизнью, леденящий кровь, превращает кровь в ледяные сгустки шариков, оседающие на фильтрах внутренних органов, к которым потом прилипает прочая дрянь.

Моллюск жемчужница живет в северных реках. Паразитирует на жабрах лосося. Лосось обычно находится в реке полгода, максимум год, потом плывет в море и там умирает. А вот с жемчужницей он реку не покидает и живет в ней, как библейский патриарх, 13 лет.

Может ли что-либо подвинуть и человека к такому, близительному бессмертию? Пожалуй, только мысли, но и они, паразитируя в человеке, не удлиняют ему жизнь, так как обращены на весь мир. А миру, какое дело до чужих мыслей?

От человека остаются пирамиды и мысли. Они — необходимое и достаточное оправдание его существования. Только благодаря им человечество имеет свою историю.

Экспресс без пересадки

Дни так быстро, так незаметно летят, словно не имеют ко мне никакого отношения. Слово во мне и не живет самая распространенная человеческая иллюзия, что эти дни мои.

Лучшее из всех чувств, которое к старости освобождается от всех прочих, — это жалость ко всему живущему. Жалеешь даже паука или комара, которые сами губят или делают несносной жизнь других существ.

По телевизору с выключенным звуком смешно выглядят дикторы и певцы. Выброшенная на берег рыба тоже смешно открывает рот. А ведь это самые ужасные, последние мгновения ее жизни.

Бабочка и гусеница, если и задумываются о смерти, то по-разному. У гусеницы впереди еще одна жизнь, а у бабочки лишь бессмертие.

Валентина Шотт
Германия

Бананы в веснушках

Смеются две подружки,
А разве не смешно:
Бананы все в веснушках —
Ну, надо же, кино!

На яркой, желтой шкурке
Как крапинки-стежки,
Как у подруг веснушки —
Задорные смешки!

Колючий подарок

Его в лесу нашли и что ж?
И в садик сдали — вот вам ёж.
Ёж загрустил в коробке,
Он был ужасно робкий!

Давно известно, что ежи
Должны в лесу, на воле жить.
Ёж в садике скучает,
Зачем поили чаем?..

Построен садик был в лесу,
А ёж — две дырочки в носу,
Нашёлся! Мама рядом
И так ежонку рада!

Как хорошо утрами
Под бок колючий — к маме!

Вежливость

Можно, скамеечка,
Я посижу?
Жук, разреши
Я с тобой пожужжу?
Мне вы позволите,
Тётя осина,
Чтобы я ветки
Отламывал сильно?

Мама учила быть вежливым всюду —
Вежливым мальчиком я теперь буду.

Дядя Солнце и дождята

Сотни маленьких дождят
Хулиганят и галдят,
Топотят по мокрым крышам,
Нет покоя птицам — кыш им!
Распугали воробьёв,
Ворон каркнул — был таков.

А дождята по зонтам
Барабанят — бум-там-там!
Эй, весёлые ребята,
Шаловливые дождята,
Порезвились и довольны,
Не было команды — вольно!

Смирно! — Солнце прокричало,
Строем встаньте для начала.
Шёл по улицам отряд
Промочившихся дождят....
Дядя Солнце, жги макушки,
И суши скорей веснушки!

Симона Тешлер
Канада

Счастлива, что родилась в солнечном
Кишинёве, грела душу на одесских пляжах,
училась в Кишинёве и Питере. Опыт рабо-
ты в журналистике, педагогике, психологии
и нетрадиционной медицине. Оказалась по
воле судьбы в Канаде, вдали от всего род-
ного, где учусь другой жизни. В пути всег-
да сочинялись стихи, песенки, рассказы
на моём родном языке, в родной культуре,
что бы ни происходило с границами или со
мною. Это и помогает жить.

Про меня, Дружка и снеговиков

Всё качу за комом ком,
Снеговик уже, как дом.
Ты б немного мне помог,
Спиночку подал, Дружок,
Встану и надену шляпу,
Что нашла в шкафу у папы!

Одному быть не годится,
Слепим бабу-снеговичу,
Даже лучше - «снеговуху»,
Чтоб приятнее для уха...
Жаль, у мамы шали нет,
Может, подойдёт берет?

А теперь бы им - детишек,
Трёх весёлых снеговишек!
Или всё ж, «снеговичков»,
Да с руками из сучков,
В новых шарфиках цветных...
Вот готов и стих про них!

Вместе встретим Новый Год

*По мотивам. Великий Странник
Сказки. «Гномы и Новый год»*

Замечательные гномы,
Чудаки все, как один,
Собрались под вечер дома,
Разожгли себе камин.

Снять бы им колпак, сапожки,
Слушать сказку и мечтать...
Выюге, что стучит в окошко,
Ни за что не открывать.

Но спокойно не сидится,
Затворив на холод дверь, -
Слышат: где-то мёрзнет птица,
Просит есть голодный зверь.

Собирают всем подарки:
“Налетай, лесной народ,
Станет весело и жарко,
Вместе встретим Новый Год!»

Мы строим дом

Мне сказал соседский Волька:
Два денька осталось только
До конца зимы. Вдвоём
Надо строить новый дом.

Не тяп-ляп и кое-как:
У него есть свой верстак.
И рубанок тоже есть,
Досок - вам не перечсть!

Отобрала в этой гуще,
Покрасивей и получше,
Сбил он стенки - все четыре -
Крепче не найдёте в мире!

А войти же, как теперь,
Позабыли мы про дверь...
Шилом и поющей пилкой -
ПрорезАли в стенке дырку.

Отдыхаем тут... и слышим,
Будто сверху едет крыша!
Снова мне её держать,
Ну, а Вольке - укреплять.

Хоть и тянут руки, ноги,
Как бросать на полдороге?
Стол там нужен навесной,
Угощать друзей весной!

Домик наш готов для птиц —
Для скворцов и для синиц!

Лизин секрет

Тихо в дом вошел секрет:
Завтра Лизе восемь лет.
Будет день рождения
Всем на удивление!

Только не шумите,
Лизу не будите,
Ведь за эту ночь она
На год вырасти должна!

Татьяна Шапиро

Израиль

Про скамейку

На дворе стоит
Скамейка.
А на ней сидит
Семейка.
Посидела, погалдела.
Со скамейкой полетела.
Воробьиною семейку
Просим возвратить
Скамейку!!!

Путешественница

В Италии город такой есть -
Верона.
Оттуда недавно вернулась ворона;
- Я видела Лондон, бывала в Париже.
Но всё же ворроны Веррроны
Мне ближе.

Дракон

Парикмахеру везёт -
Вот дракон к нему идёт.
За драконом - я - увы -
Ждать три целых головы!!!

Лев

В зоопарке лев живёт.
Мне он лапу подаёт.
Я банан ему принёс.
Он хватает ловко.
- Как зовут Вас, царь зверей?
- Отвечает;
- Лёвка!!

Муравей

Муравей несёт травинку.
Слон увидел:
- Вот те нааа!
Муравей остановился...
И теперь несёт... слона!!!

Черепаха ходит с домом
По друзьям и по знакомым.

Отдохнёт змея немного-
Ох, извилиста дорога!

Кобра

Я тебя рисую, кобра!
Ты в альбоме будешь доброй!!!

Улитка

На спине улитки дом.
Поднял я её с трудом.

Стреляла мышка в тире.
Попала в дырку в сыре.

Дождик капал потихоньку.
А под ним был океан.
И воды в нём стало больше,
Больше на один стакан!

Цыплёнок

Птенец из яйца
Появился на свет.
И мама кудахчет;
- Красивее нет!
Весёлый, задорный,
Большой, золотой!
Добавила даже:
- Ну просто - крутой!

На поезд ворон опоздал.
Что же делать ворону?
Придётся поезд догонять,
Летя за ним в ту сторону!

Наталья Капустюк

Член МЕЖДУНАРОДНОГО ТВОР-
ЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ДЕТСКИХ
АВТОРОВ, Автор семи книг для детей,
Являюсь заместителем редактора га-
зеты про животных «Зверьё моё любимое»
Живу на Сахалине, в столице острова
г. Южно-Сахалинск.

Я ПРИЕДУ

Едет, едет, едет поезд,
Я совсем не беспокоюсь —
Будет он по расписанию,
Папа, мама, до свиданья!

Вы меня встречайте в среду,
Я соскучусь и приеду!

МУДРЫЙ РОБОТ

Всё мне РОБОТ показал,
Что умел, потом сказал:
« Суетиться нет причины -
Отдохнуть пора мужчинам.

Подкрепиться бы, Андрейка,
Видишь, села батарейка!»

МЫШЬ ТРАНСФОРМЕР

Мышка серая бежала,
Мышка кошку повстречала.
И от кошки ошалелой
Птицей в небо улетела!

На земле осталась кошка,
Потрясённая немножко!

СКАЙП

Мы на Марс попасть хотим,
С папой вместе полетим,
Всё, что там случится с нами,
Передам по скайпу маме.

КУКЛА БЭБИ БОРН

Кашку, памперсы, пелёнки...
Подготовим для ребёнка,
Чтоб не плакала малышка,
Вот и сосочка-пустышка!

Бэби Борн с тобою, крошка,
Всё всерьёз — не понарошку!

Детская страница

Волшебное дерево

Жил Санька в большом-пребольшом городе. В городе было много высоких каменных домов, но мало, очень мало было деревьев.

Деревья в основном и росли-то не во дворах, не на улицах, а в парках. И люди ходили в парки, чтобы полюбоваться деревьями.

Однажды весной Санька пришел в парк и увидел большое-пребольшое дерево. Кора его была толстой и морщинистой, ветви были могучими, и было оно на вид таким сильным, таким умным!

— Эх, — подумал Санька, — был бы я этим деревом! Ноги были бы — как корни, туловище — ствол, а руки и голова — ветки. И шелестел бы я листиками, как целый лес. И стоял бы я прямо в нашем дворе! Хоть один денёк...

Как только он это подумал, как вдруг из-за дерева выходит маленький старенький человечек с большой белой бородой. Выходит и говорит:

— Это ты хочешь превратиться в дерево? Почему? Может, ты просто лентяй и ничего делать не хочешь? Тогда ты ошибаешься!

— Нет, — почтительно ответил Санька. — Нет, уважаемый волшебник! Я потому превратиться хочу, потому что дерево, когда весной зацветает, то пахнет очень вкусно. И еще — когда дерево большое, то на него можно качели повесить. И скворечник, и кормушку. Вокруг дерева можно в прятки играть. На дерево залезть можно. И вообще — красивое оно, большое. А у нас во дворе — даже маленьких деревьев нет!

— Хорошо, — сказал волшебник, — я могу превратить тебя в дерево, но только до вечера. Согласен?

— Согласен, — ответил Санька.

Тут волшебник быстро-быстро что-то забормотал. Санька и подумать не успел, как очутился в своем дворе.

Он почувствовал, что ноги его уходят в глубину, руки и шея — вытягиваются, и он

весь, весь покрывается маленькими зелеными листочками.

Конечно, не получилось из Саньки большого и мудрого дерева. Во дворе сиротливо и одиноко стояло маленькое, взерошенное деревце!

— Смотри, — сказала Санькина мама Санькиному папе, после того, как выглянула в окно — кто-то посадил деревце! Какое оно лохматое! Чем-то оно мне нашего Саньку напоминает!

Папа долго смотрел на деревце.

— Слушай, — сказал он маме — ты только, пожалуйста, пойми меня правильно. Раньше мы весной всегда деревья сажали, в школе еще. Давай тоже два деревца во дворе посадим!

— Давай! — засмеялась мама.

Они пошли в магазин саженцев, который был расположен через дорогу, и купили там два деревца.

Вышли родители Саньки во двор, и посадили два деревца рядом с Санькой.

Тут в окошко высунулась тетя Валя, Вадимкина мама:

— Это что, воскресник?

— Да! — крикнули снизу Санькины родители.

Тетя Валя спустилась вниз, пошла в магазин, принесла и тоже посадила деревце. И скоро почти все жильцы побежали в магазин напротив покупать деревья: домохозяйки, военные, мастер спорта по шахматам, повар, учительница музыки, пенсионеры и, конечно, дети — всем захотелось посадить деревце, и все посадили — кто по одному, кто по два.

Целая роща выросла во дворе. Санькина душа пела от счастья.

И вот наступил вечер. С непривычки у Саньки озябли корешки. На ветку седьмилетний воробей, чирикнул и улетел. Покачивая и постукивая палочкой, во двор вошел тот самый старичок. Подошел, и даже рот раскрыл от удивления:

— Ох, старость не радость! Ну и забывчив я стал! Когда это я успел столько мальчишек превращать?

— Нет, дедушка! Вот он я! — Санька покачал ветками. — А это все наши посадили!

открыть окно и выпустить бабочку на улицу, — предложила мама.

— Ну уж нет! — возразила я. — А вдруг ещё кто-нибудь залетит. Я лучше её газетой прихлопну.

Тут я утерла слезу и твердой походкой направилась за газетой.

А мама с папой ничего не сказали, но я просто чувствовала спиной, что смотрят они на меня с укоризной.

Да, я знаю, меня учили, что животных и насекомых обижать нельзя! И ещё я смелая! Я крыс не боюсь, и мышей тоже. Вон, сколько раз у Лёшки, соседа, держала эту самую живность в руках. И ничего! Ни пискнула! А Лёшка мне даже за шиворот их совал. Совсем не страшно было! Щекотно, и только! А потом они разумные, с ними договориться можно. Лёшка говорит: у них интеллект!

Ни то что эта бабочка! Носится без толку, только пугает! Прихлопну её и всё! Это же не я к ней в дом ворвалась, а она ко мне! И ещё противно жужжит! И летает! И пытается на меня сесть!

— Да! — решила я. — Я её прихлопну!

Моя комната, имею право!

Но когда я вернулась с газетой, бабочки уже не было. Родителей тоже не было. Они ушли к себе и закрыли дверь.

Я облегченно вздохнула. Какие же они у меня замечательные! Спасли бабочку без меня! Ну и пускай теперь на меня сердятся, зато я никого не прихлопнула и могу спать спокойно, что называется, с чистой совестью!

Минут через десять я улеглась в кровать. Конечно, я ещё успела крикнуть родителям «Спокойной ночи!», чтобы они знали, что дочь у них благодарная и вообще, девочка, что надо.

Ну, вот. Заснула я беззаботно, а ночью проснулась от жуткого шевурения.

Я уже хотела завопить, но тут мне почему-то стало неловко и даже немножко стыдно. Всё-таки я сегодня орала уже достаточно, и будить родителей мне совсем не хотелось. Я же ещё и любящая дочь.

В общем, я мужественно включила настольную лампу и увидела следующую картину: в прозрачном тюле-занавеске трепыхалась и билась моя бабочка.

Что было делать? Папа всегда говорит, прежде чем что-либо делать, подумай, как ты себя будешь чувствовать в такой же ситуации.

Я представила себя, что вот я так запуталась бы и никто не пришёл мне на помощь.

Ужас! Придётся бабочку выручать!

Я осторожно подкралась к тюлевой занавеске и расправила её, ночная бабочка радостно вылетела на свободу и ринулась на свет.

— Она же может обжечь крылья! — промелькнуло в моей голове. Я рванула к лампе и, едва успев опередить мою подопечную, включила её.

Бабочка опять заметалась по комнате.

А я вдруг поняла, что мне уже почти не страшно. Может, потому что просто хотелось спать?

Татьяна Шипошина

Татьяна Владимировна Шипошина, член Союза профессиональных литераторов Москвы. Родилась в 1953 в Крыму, г. Феодосия. По специальности детский врач, в 1978 г. закончила Ленинградский педиатрический медицинский институт. Сейчас продолжает работать врачом.

Пишет с ранней юности. Более десятка книг как для взрослых, так и для детей. Есть научно-популярные книги. Также, рассказы, стихи и сказки печатаются в различных журналах и альманахах.

— Странные вещи творятся на свете! — сказал волшебник и забормотал свое заклинание.

И Санька почувствовал, как корешки и ветки втягиваются в него, как ноги и руки, и голова снова становятся на свои места.

— Спасибо, дедушка!

— Хе-хе, на здоровье! — и он исчез.

Санька взмахнул руками, подрыгал ногами, покрутил головой и побежал домой.

Посреди двора новая роща шелестела листвою. Было уже темно, в окнах начали зажигаться огоньки.

Около каждого окна стояли люди и смотрели на деревья, и каждый вспоминал о своем. И все вспоминали — о чём-то хорошем.

И никто не заметил, что в роще стало на одно деревце меньше.

Екатерина Лазаренко

Выросла в семье, где каждый день — открытие, а скука незнакома.

В 1999 году закончила Литературный институт им.М.Горького.

В 2004 — получила 3-ью Премию Всероссийского конкурса за лучшую детскую книгу о животных, проведенного Издательством «ОЛМА-ПРЕСС» совместно с Союзом писателей Москвы и Российским отделением Международного Совета по детской книге России, а 2009 — была опубликована сказочная повесть «Самый верный кот на свете».

Я забралась под одеяло и задремала. Сквозь сон до меня доносилось какое-то шевурение, шуршание и трепетание, но мне было как-то уже всё равно...

Разбудил меня солнечный лучик, который легко проник в мою комнату, потому что портю и тюль я, конечно же, забыла задернуть.

Первая мысль — как там моя бабочка?

Я вскочила.

Её нигде не было видно. Не знаю, почему, но я обыскала всю комнату, пока не нашла свою гостью в тёмном углу между шкафом и стеной. Выглядела она довольно усталой, или мне так показалось. В общем, я взяла газету, осторожно поднесла её к бабочке... Нет, конечно, я её не стукнула, а совсем наоборот, тихонько поддела газетой, бабочка послушно переползла на газетный лист, а потом я подошла к окну, открыла его и осторожно стряхнула бабочку на подоконник. Точнее, она просто съехала по газете, как с горки. На мое удивление она тут же встрепенулась и полетела куда-то вдаль. Весь её вид говорил, что она ко мне больше ни лапой, ни крылом...

Вдруг кто-то прижал меня к себе. Я взвизгнула от неожиданности.

И услышала папин голос:

— Какая же ты у нас — добрая и смелая девочка!

А потом мамин:

— А я говорила — не может наша дочка просто прихлопнуть бабочку. Не такой она человек!

Здесь папа чмокнул меня в макушку, и мы пошли завтракать.

Светлана Семёнова

Детская поэтесса и писательница, член Союза писателей России. Живет в г. Рига.

У зимы, у зимушки...

У зимы, у зимушки -
Множество затей:
Накидала снежные
Горы для детей,
Навела над речками
Звонкие мосты,
Побелила к празднику
Крыши и кусты.
Бахромой украсила
Ветви у берёз,
Пригласила праздновать
Вьюгу и мороз.

Закружила зимушка
Снежный хоровод.
В каждом доме - ёлочка!
В каждом - Новый Год!

Ёлка - это праздник!

Любят ёлку взрослые,
Любят малыши.
Ёлка - это праздник
Для любой души!

Как сверкает деревце
В снежном серебре!
Мы нарядим ёлочку
Прямо во дворе.

Между белых веточек
Яркие шары,
Огоньки-фонарики
Гроздья мишурЫ.

Любят ёлку взрослые,
Любят малыши.
Ёлка - это праздник
Для любой души!

Вера Тансканен Финляндия

Лось

Лось могучий утром ранним
Мимо дома сквозь кусты
Перешёл степенным шагом,
Задержался у сосны.

Слышу, фыркает рогатый,
Вижу бурый силуэт,
Загляни в окно, сохатый,
У тебя врагов здесь нет.

Рядом с домом на опушке
Есть укромный уголок.
Там у нас стоит кормушка,
Соли круг и сена клоч.

Лось в раздумье, рог ветвистый
Чуть склонил, уткнулся в ствол,
Похрустел корой смолистой,
Оглянулся и пошёл.

Вдоль ручья оврагом ближним
Поспешу, прибавив ход,
К счастью, есть бинокль, мне виден,
Средь кустов ветвистый рог.

Ах, красавец! Статья! Величье!
Замер, словно монумент.
Северных лесов лесничий
Встал на камень-постамент.

Край родной, простор зелёный,
Скалы серые, гранит,
Воды синие в озёрах,
Лебедь в облаках парит.

Лось огромными глазами,
Смотрит вдаль,застыл на миг,
С гордостью качнул рогами,
Я же — к камере приник.

Провожая тихим взглядом,
Сей сюжет прекрасней снов,
Будь здоров, гуляй, приятель,
Может, встретимся мы вновь.

Иван ИСАЕВ Горит костер

Иван Александрович Исаев (1938 – 2005) родился в деревне Малиновка Грива в Томской области. Потеря слуха в девятилетнем возрасте не стала для него препятствием к учебе, а в дальнейшем и к созданию стихов. Он окончил

Литературный институт, работал в отделе поэзии журнала «Огонёк». Его стихи печатались в периодике, была известность в поэтических кругах Москвы. Но в советское время вышел у него лишь один тоненький авторский сборник. Два других были изданы уже в постперестроечное время.

Пожалуй, Ивана Исаева можно сравнить с Николаем Рубцовым. Они были из одного поколения, родившихся накануне войны и увидевших ее трагедию обостренным детским зрением. Разница в возрасте у них была всего-то в два года. Взрослеть им пришлось гораздо раньше своих сверстников из следую-

щих поколений – в «роковые» сороковые и переломные пятидесятые. Оба в столицу «вышагали» из глубинки: Рубцов – из вологодской, Исаев – из томской. У обоих поэтов есть пронзительные строки о детстве. У Николая Рубцова:

**Мать умерла. Отец ушел на фронт.
Соседка злая не дает проходу.
Я смутно помню утро похорон
И за окошком скудную природу...**

А Иван Исаев в своем стихотворении «Ласточки» создал запоминающийся образ птиц, своим появлением как бы несущих добрую весть:

**Вовек не забыть, не избыть
те зимы бесхлебья, бесштанья,
как ждали мы в клетке избы
картавого их щебетанья!**

При всей разнице образных систем и поэтических пристрастий (у Исаева – нет-нет, да и звучала «маяковская» нота) у обоих поэтов в стихах потаенно живет чувство русской грусти. И еще – глубокое понимание природы и какое-то нутряное почвенническое начало.

Иван Исаев любил и тонко чувствовал русскую природу. Сколько у него «лесных» стихотворений! Лес мыслит опушками или полянами. Именно на них растут самые крепкие деревья. Здесь больше света и, деревья, отойдя в сторону от своих собратьев в чаще,

тянутся не только вверх, но и вширь. Они не порывая связи с лесом, являются его хранителями, сторожевыми... И еще, в ветреную погоду они, как дирижеры, задают некую ритмическую пульсацию, уходящую в пространство жестами всех своих ветвей. Вот так и художники или поэты, всегда выступают на особицу, немного в отрыве от других людей. Таким был и поэт Иван Исаев. Кстати, он сам чувствовал некое сродство с древесной стихией. В стихотворении, где он рассуждает о смерти, просил, чтобы на могиле посадили дерево, и «непременно тополек...»

Иван Исаев был не только крупным поэтом, но и талантливым журналистом. Несколько лет возглавлял московскую газету «Мир глухих», потом работал в журнале «В едином строю». Много он сделал по воспитанию поэтического молодняка: консультировал начинающих поэтов, организовывал семинары, был бессменным художественным руководителем лито неслышащих поэтов «Камертон». А еще он составил и отредактировал несколько поэтических коллективных сборников стихов, в том числе масштабную «Антологию глухих поэтов».

Итоговая книга Ивана Исаева «Грамматика жизни», одним из составителей которой мне довелось быть, вышла уже после смерти поэта в 2006 году. Тексты стихотворений приводятся именно по этому изданию.

Ярослав ПИЧУГИН

чтобы этот мир очеловеченный
был очеловеченным и впредь.

Никому - ни дьяволу, ни Богу
не доверишь собственных вериг.
...Выхожу с поэтом на дорогу...
Да, звезда с звездой говорит!

Все — как встарь в тумане закоулка:
плач сердец да скрип земной оси.
Сивка-бурка, вещая каурка,
встань передо мною! Унеси...

ГОРИТ КОСТЕР

Горит костер на берегу Байкала,
сноп искр уходит в небо, в темноту.
Горчит бальзам на донышке бокала,
и черемша горчайшая во рту.
Я складываю лодочкой ладони
и, зачерпнув воды, несу к губам.
Да, мы с тобой с рождения чалдоны,
Но изначально возросли не там.
Да, жили-были мы на грани риска,
спешили поскорее повзрослеть.
Смысл, познавая, истины сибирской:
“закон - тайга, а прокурор - медведь”.
Горит костер на берегу Байкала,
высвечивая силуэты скал.
Ты никогда меня не целовала,
и я тебя ни разу не ласкал.
То было в прошлом, невообразимом -
и мед-уста, и жаркая ладонь.
И вот судьба - с попутным баргузином
мы, мотыльки, слетелись на огонь.
Горит костер на берегу Байкала.
Сидим и, молча, смотрим в темноту,
смакуя горечь терпкую бокала
и черемшу, горчайшую во рту.

ИМЯ-ОТЧЕСТВО

У меня простое имя-отчество
да и внешность тоже так себе.
Я всю жизнь страдал от одиночества,
приспособясь кое-как к судьбе.

Да, и детство было, и компания,
и наезды девушек и дам.
Было все. Но червь самокопания
чуть-те, что артачился: «Не дам!»

Потому и жил я непоседою,
по стране и свету колесил.
А теперь, в отпаде, тихо сетую:
не успел и не хватает сил...

Словно бы, начавшись при купании,
жизнь меня стремниной пронесла.
Верую — и дамы, и компании
на меня держать не будут зла.

А уйду (хотя пока не хочется) -
я оставлю на какой-то срок
и свое простое имя-отчество,
и, дай Бог, хотя бы пару строк.

ЛАДОНЬ НА ПЛЕЧЕ

Бывает - внешним
вещим вечером
бредете в парке молодом...
И вдруг, как будто кто
на плечи вам,
кладет забытую ладонь.
И вы на месте замираете,
затылком чувствуя уста,
и в то же время понимаете,
что за спиной - пустота...

ЛАСТОЧКИ

И вишня уже отцвела,
и гром прогулялся по небу,
и мошка вконец извела,
а ласточек — нету и нету...

Гляжу на зеленый проспект,
а в памяти — бабушкин садик
и ласковое, нараспев:
«Касатка... касатки... касатик!..»

Вовек не забыть, не избыть
те зимы бесхлебья, бесштанья,
как ждали мы в клетке избы
картавого их щебетанья!

Бывало, подняв кутерьму,
Впорхнут из сеней — и за окна!
и мать хорошела:
- К письму.
и гасла: а вдруг похоронка...

И шла под киот, к сундуку,
и молча, пока не смеркалось,
водила пером по листку,
вздыхала и в юбку сморкалась...

Оплаканы все из потерь,
залечены старые раны.
И ласточки, видно, теперь
отправились в новые страны.

Туда, где и ныне без них
так трудно избушке убогой,
где ждут у окошка родных
живыми с надеждой, с тревогой...

И птицы под всхлип матерей,
на радость детишкам бесштаным,
сулят и вестей, и гостей
наивным, святым щебетаньем...

СТИХИ О ЧУДЕ

Среди лопухов над завалинкой
вечерняя спит тишина.
Лишь я, белокрысый и маленький,
томлюсь на задворках без сна.

В штанишках, росой измусоленных,
босой — я к заплоту прирос:
над звездами спелых подсолнухов
нависли подсолнухи звезд!

Да сколько же их, переменчивых,
повысыпала высота!..

...Одно из мерцающих семечек
вдруг выпало из решета...

Что может быть в космосе дивнее:
былинка пылинку нашла
и песнью зажглась лебединою,
и пала к стопам малыша!

Скользнул - как будто пригрезилась.
Но был мне и знак неземной,
я мечен звездой, что врезалась
в подсолнухи рядом со мной.

Я видел звезду, догоревшую
у ног моих, — и на миру
судьбину свою безгрешную
в свидетели чуда беру.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот и исток!
Наконец-то мы дома...
Отчая сторона!
Зелень долины, синь окоема.
неба голубизна...

Ластится лайкой ветер игривый,
льнет луговая трава.
Этой вот самой малиновой гривой
грезить нам - в силу родства.

Где бы ни жил я, где бы я не был,
сызмальства это во мне —
вкус испеченного матерью хлеба,
пот на отцовской спине.

Запах сгоревшего давнего сладок.
Вспомним-ка: именно здесь
острые крылышки детских лопаток
стали по далям зудеть!

И оперились мы, и улетели,
каждый в свой срок, кто куда.
Все одолели - одно не сумели:
тягу родного гнезда.
Родина, отчина! Стежки-дорожки
правят потемками лет
на огонек, негасимый в окошке,
дома, которого нет...

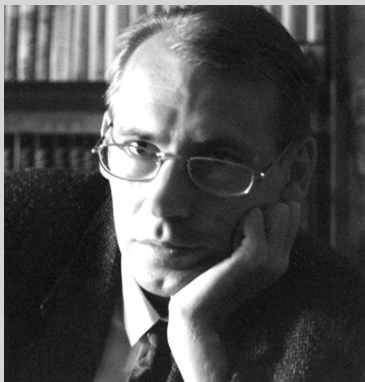
ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА

В с е — и новых сказочек не будет.
Век таков, что более они
не навеют сон и не разбудят
никого из телеребятни.

Жизнь за тех,
кто с хваткой практичной,
с трезвым отношением к бытию.
Где уж тут натуре поэтичной
веру исповедовать свою.

Хорошо рассудочным и дошлым:
нищий духом, сказано, блажен.
Но ведь кто-то непременно должен
позаботиться и о душе.

Кто-то должен жертвою извечной
в самообнажении гореть —

Валерий Симанович

Поэт, прозаик, критик. Родился в 1967 году в г. Орша. Окончил Кубанский Медицинский институт им. Красной армии. Инициатор и участник творческой группы «СИАМ» Один из авторов первого на Юге России литературного манифеста (1988 г.). Организатор многочисленных поэзоконцертов и творческих вечеров, направленных на возрождение русских поэтических традиций. С 1990 по 1992 г. – редактор газеты «Краснодарский литературный бюллетень». Лауреат конкурса «Молодые о войне» в номинации проза (1995 г.). Организатор и главный редактор независимого литературного журнала «Новый Карфаген» (с 1998 года). В настоящее время проживает в г. Краснодаре.

Смотритель маяка

Одиноко и тревожно
На забытом маяке.
И все чаще невозможно
Воспротивиться тоске...

Заberi меня отсюда,
Белоснежный пароход.
Здесь не верят больше в чудо
И фантазии полет.

Увези меня с собою
К изумрудным островам,
Где смешались шум прибоя,
Звук цикад да шелест пальм.

Отыщи в стране далекой
Заповедный уголок,
Где под радугой высокой
Я приют найти бы смог...

Необъяснима и свежа...

Когда с холмов унылого покоя
Вдруг потекут звенящие ручьи,
Я освежу свое лицо водою,
Рубахи край в потоке омочив.

И рассмеюсь в пергаментную прорезь
Немого рта язвительно, легко...
Какая летаргическая повесть
Закончилась на рубеже веков!

И, оставляя груз ненужных знаний,
Пойду один по травмам, не спеша...
И будет каждый палец безымянен,
А жизнь необъяснима и свежа.

Звёзды падали...

Звёзды падали, падали в землю.
На рассвете, когда сонный лес,
Источал кислородное зелье
В безмятежное царство небес.

Было слышно, как шумные пчелы
Пробуждались от цепкого сна.
И катилась за мокрое поле
Потускневшей монетой луна...

Я стоял, опираясь о землю.
Мне хотелось, как в детстве, летать.
Но отравленный огненным зельем,
Как всегда не успел загадать...

Лестница памяти

Имя твое источил,
Словно точильный диск.
Черным углем начертил
Лестницу памяти вниз...

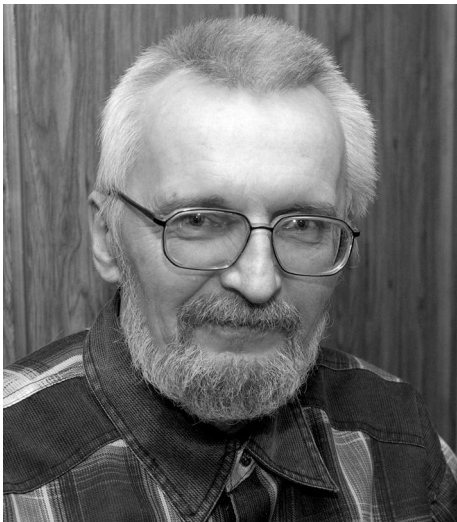
Пара блестящих острот,
Пара отточенных фраз,
Гладких и скользких, как лед -
Все, что осталось от нас...

То, что казалось другим
Крепче гранитных плит,
Кануло, словно дым.
Помнить или забыть?

Третьего нам не дано.
Жизнь - это вечный каприз:
Пальцами вдоль по фоно,
Лестницей памяти вниз...

Внутри рассвета

Много лет прошло с тех пор, когда я впервые попал на Ивановские обрывы.

Помню, меня удивило, что сюда приезжали одни и те же рыбаки, причем не все ловили рыбу, иные просто сидели по берегам на травяных полянах, о чем-то разговаривали, бесцельно и бездельно бродили среди подлеска, - такое поведение не свойственно рыбакам, большинство из них все же добытчики, к созерцательности не очень-то склонные. Между тем раз за разом я наблюдал именно такую картину: сидят дядьки у костров часами, словно завороченные... Словом, какая-то магия была у этих мест.

Околдовали они и меня.

Зачастил я сюда.

...Тихо шуршали шины по мягкой земляной дороге, выходящей среди полей с ровными рядками изумрудных озимых. Из предутренних сумерек свет фар изредка выхватывал неподвижные желто-коричневые столбики сусликов, торчавших по обочинам. Тонко и сладковато пахло пылью.

Машина остановилась недалеко от крутого спуска в просторную долину. Брат включил дальний свет - невдалеке появились очертания десятка старых домов, беспорядочно разбросанных по низине. Там и сям пепельно светились тропинки, по одной деловито спешила собака по своим собачьим делам. Я уже знал, что многие дома давно осиротели, заброшены, заколочены, зарастают вездесущей крапивой и татарником. На иных и крыши просели, обнажив стропила, похожие в сумраке на ребра неведомых чудовищ. Повсюду буйно цвела сирень, словно желая своей дикой красотой скрыть убожество брошенного жилья. Покосившиеся, поваленные заборы открывали надворные постройки, тоже шаткие, словно притулившись друг к другу, чтобы окончательно не упасть и не рассыпаться. Журавль колодца сиротливо торчал на обочине, ведро на серебрящейся цепи поблескивало - значит, есть в деревеньке люди, и жизнь теплится.

Я открыл окно в машине, потоком ворвался аромат сирени и земли, - видимо, тут недавно узкой полосой прошел дождик. Кругом запустение, необжитость, но земля все так же призывно пахнет, словно зовет к себе живых. Меня всю жизнь восхищает запах сырой земли.

Мы медленно спустились вниз. Лучи фар выхватили из слабейшей тьмы избу: в окошке мелькнул и тут же исчез багровый огонек лампадки в красном углу. Сердцу стало тепло: еще одно подтверждение, что жизнь не окончательно покинула эту деревеньку.

Сразу за околдией открылась река. Запахло водой и речными травами, дымом костров. Галечная коса реки. Невдалеке по сторонам долину обрамляют темные сте-

ны, - это и есть Ивановские обрывы. Видимо, поэтому возникает ощущение замкнутости, но уютного пространства.

Странное, слегка тревожное, но и восторженное чувство охватывает человека, когда он оказывается в теснине предутренней полутьмы. Помигивают последние высокие звезды, холодные волны речного ветра скользят по телу, хочется вдыхать и вдыхать тонкие ароматы воды, трав, тумана. Человек, маленькая пылинка природы, из праха пришедший и в прах возвращающийся. В такие моменты чувствуешь невыразимую горечь неизбежности расставания со всей простой прелестью окружающей природы. Протестует ум человеческий, но душа радуется опущенному присутствию в этом утреннем мире. И полнится душа благодарностью к природе и скромным, но драгоценным дарам ее.

Я сидел на сырой траве, стараясь уследить каждое колебание камыша, осоки, таяния остаточных клочков тумана, всматривался в открывающуюся гладь реки, по которой смутными подвижными дорожками легли отблески костров, надеясь увидеть прогон шуки или жереха. Чуть доносился говор рыбаков, позвякивали их котелки и кружки. Разговорился и картавый перекал. Бух, бух, бух! - рыбаки начали бросать в воду шары прикормки.

- Вон, мужики уже вовсю... - проговорил брат недовольно. - А мы все чего-то смотрим и смотрим. Что тут смотреть?

- Природу, - вздохнул я и обвел рукой окоём, словно был хозяином его.

- А чего ее смотреть-то? - пробурчал брат. - Чудной ты стал, Мишаня. Природа она и есть природа. Никуда не денется. А утро пройдет.

...И то правда, брательник. И утро пройдет, и мы пройдем, а природа останется.

Сумерки превращали прибрежные кусты в пришедших на водопой горбатых животных. Недалеко длинный остров, поросший осоками - они тоже превратились в рать грозных великанов, стерегущих воду. По мелководью с беспорядочными всплесками, хлопая пастью, наконец-то пронеслась неловкая шука, преследуя верховую рыбку. А я все сидел на земле, над рекой и внутри рассвета.

Оповестил в деревне о себе первый петух. Тут же началась их перекличка. Слабенько проблеяли овцы, мыкнула корова, наверное, пастух идет по деревне, собирает стадо.

Из-под обрыва вылетела стая ласточек-береговушек и понеслась над рекой, некоторые задевали воду, оставляя на ней тонкие штришки, усы.

А я сидел и осматривал окрестности - в рассвете все меняется на глазах. Счастливо успокаивалась душа, все суетное, насущное забылось и отлетело. И я стал частью утра.

Вот, наверное, в чем разгадка любимых моих обрывов, вот в чем магическая привлекательность этого места и причина моей любви к нему: именно тут мне удается достичь блаженной гармонии между мной, сырым и смертным, и бессмертной красотой природы. Природа, конечно, везде по-разному прекрасна, но у человека, кажется мне, всегда есть именно то «окно», то любимое место, река, опушка, долина, где он лучше всего ощущает ее: вспомните свои самые длительные путешествия: и перед внутренним взором предстанет какой-то конкретный уголок, где все предметы - растения, камни, ручей и облако над ним - сложились в единственную незабвенную гармоничную композицию. Это и есть твое окно в природу, человек суетный.

Михаил СМЕРНОВ
Представитель «ПИ 1» в Р. Башкирия

Сергей Шилкин

Родился 29 марта 1954 года в г. Салавате. Поэт. Окончил Ленинградский технологический институт имени Ленсовета. Публиковался в журналах «Бельские просторы», «Литературный Башкортостан». Проживает в РБ г. Салават.

БАБЬЕ ЛЕТО

Пролетело лето. Пролетело,
Осыпаясь золотом устало.
Над лесами ветром засвистело,
А потом внезапно перестало.

И позвало тихим этим свистом
К берегам далёким птичьей стаю.
Мне вчера приснилась в поле чистом
Та, с которой встречи ожидаю.

Припозднилась осень, припозднилась...
На пути неверном заплуталась.
Та, что накануне мне приснилась,
Без любви неся в душе усталость,

Вниз склоняя лоб манером рабым, -
Хотя в жизни нрав её неистов, -
Молит, чтоб позволил летом бабьим
Ей любовь познать небесный Пристав.

Осень не пришла. Ошиблась сроком.
Золотят поля посеи гречи.
Та, что мне приснилась ненароком,
С нетерпением ждёт со мною встречи.

Осень в роще к дубу прислонилась, -
Чёрный лес торжественен и светел.
Только ту, которая приснилась,
Я нигде пока ещё не встретил.

Сшиты небеса из синих клеток
Паучков серебряным последом.
Верю, что судьба нам напоследок
Даст шепотку счастья бабьим летом.

УРГА

Я ушёл навсегда
на заре долгожданной субботы,
Привязав за плечо
шестовину старинной урги.
Не ищите меня.
Я в заказнике вечной свободы,
Где следы исчезают
в заносах песчаной пурги.

Вам меня не найти.
Не сказать лаконичное «Здрате!»
Ветры тропы ко мне
хорошенько песком замели.
Я возьму этот шток,
на котором полощутся страсти,
И с размаху воткну,
пуповину пронзая Земли.

И кошмовый шатёр
под небесною синью раскину.
А вокруг табуны,
проторя весенний маршрут,
Молодую траву
разбивают копытом в мякину.
И, завидев меня,
потихоньку приветственно ржут.

Заслоняя зенит,
в голубой глубине небосвода
Первозданным крестом
распластался по небу орёл.
В этих дивных местах
я расстался с тобой, несвобода.
В этой дикой степи
я любовь и свободу обрёл.

Здесь воздух пропитан
пьянящим любви ароматом.
И, вдыхая его сквозь
дымящийся утра кальян,
Я за счастьем прошёл
по степи одиноким сарматом,
Как когда-то за волей
ходил Пугачёв Емельян.

И тебя повстречал
я на самом краю Ойкумены,
Где целинную новь
не сквернил ещё плуг бороздой.
В твоих чёрных глазах
я увидел огни перемены
И пленился навеки
монгольской твоей красотой.

Я так долго искал тебя
в вихре случайных событий.
Ты услышала зов
среди шума вселенской игры.
И сегодня с тобой
в экстазе сакральных соитий
мы осанну поём,
созидаю иные миры...

ОСЕННИЙ МАРАФОН

В промозглый день укрылась паром
Низина старого пруда.
За покосившимся амбаром
Бредёт дорога в никуда.

Ждёт снова осени лукошко,
Вися на гвоздике в углу.
И, плача, дождь стучит в окошко,
Слезу размазав по стеклу.

Мычит голодная корова,
Засохла во поле трава.
Мы нынче снежного покрова
Не дождались на Покрова.

За тучи солнце укатило,
Повсюду сырость, хмуры и хмарь.
Зажёг своё паникадило
В часовне старый пономарь.

Зябь пашут в поле хлеборобы.
Мне годы вспять не повернуть.
Молюсь я Богу страстно, чтобы
Мне силы дал на крестный путь.

В постылой жизни мало прока.
Теперь мне больше сорока.
Трещит без умолку сорока
В кустах, где плещется река.

Горит сквозь сучья чернотала
Огонь рябиновой кисти.
Моя душа совсем устала.
Создатель, Ты меня прости...

Мари Веглинская
(Светлана Сударикова)

Родилась и живет в Москве. Писать начала еще в школе, однако серьезно подошла к этому процессу лишь много лет спустя, примерив не одну профессию. Некоторое время работала на телевидении. Закончила Литературный институт им. А.М.Горького. Пишет прозу. Была неоднократным победителем в различных сетевых конкурсах. Печаталась в альманахе «Апполинарий», в сборнике Современной московской прозы «Московский Дом», Выпуск 1,2 (М., 2010). Член МСП «Новый Современник», член Московского Салона Литераторов.

Из сборника «Философия одиночества»

*Когда ты смотришь в бездну,
Бездна смотрит в тебя.
из Ф.Ницше*

Я живу высоко в горах,
На краю крутого обрыва,
Где облака падают в руки,
Но я никогда не могу удержать их.
Я просыпаюсь рано утром
И прыгаю из окна в пропасть,
В самую глубину смерти,
Чтобы встретиться с ней глазами.
А затем по узкой и скользкой тропе,
Между тощих сухих елок
И острых каменных глыб
Я ползу снова вверх,
Вверх, к моему дому,
Что стоит на краю обрыва
И цепляет облака трубами.
Никто не знает, как мне бывает больно,
Как стонет раздробленное сердце,
Как ноют кровавые раны
И грызут тело сломанные суставы.
Никто не слышит, как плачу я ночами,
Плачу от страха,
Потому что боюсь этой боли
И встречи,
Встречи с глазами бездны.
Вот только почему
я так отчаянно жду утра -
Время, когда я смогу
прыгнуть в пропасть?

* * *

Я бежала от твоей любви.
Быстро-быстро, быстрее ветра.
Мне даже показалось,
что все получится,
И облака уже смотрят мне вслед.
Я хотела забыть тебя,
Просто вычеркнуть из жизни,
Чтобы не помнить твоих рук,
По которым я так часто
гадала о будущем,

И твоих глаз,
В которых я прятала свою любовь.
Я вырвала из записной книжки листок,
Где был записан твой телефон,
И даже сделала вид,
что не помню его больше,

Я порвала все твои письма
И сожгла в печи фотографии,
Полагая, что это не напрасно.
Я была уже почти уверена,
Что все-таки смогла оторваться,
И даже остановилась,
Чтобы перевести дыхание.
Да вот только Земля оказалась круглой.

ПУСТОТА

Намедни, проснувшись утром,
Я вдруг обнаружила,
Что во мне поселилась пустота.
Она была такой липкой и серой,
Так больно сдавливала ладони
И затрудняла дыхание,
Что я не на шутку испугалась.
И тогда я закинула в нее книги,
Я погрузила туда театры и концерты,
Затолкала рестораны и клубы,
Кое-как пристроила библиотеки,
Освободила место для поликлиники;
Втиснула туда друзей и подруг,
Равномерно распределила

рабочий коллектив,
Запустила всех своих родственников
И даже бывшего мужа
поставила на лист ожидания.
И тогда, облегченно вздохнув,
я закурила сигарету.
Но когда я проснулась
на следующее утро,
Меня по-прежнему переполняла пустота.

ДОЖДЬ НАД МОСКВОЙ

Сегодня с утра идет дождь.
Я вижу, как пенится асфальт
мутными потоками.
И тучи.
Они давят меня, и я молю у них пощады.
Люди. Как много людей.
Они все куда-то спешат.
Они не боятся промочить обувь,
Их не пугает отсутствие ветра
И то, что тучи совсем бездвижны,
А значит дождь никогда не кончится.
Но я не вижу лиц. Лица смыты дождем.
Только зонтики.
Черные, красные, синие,
желтые зонтики.

Мне страшно, потому
что больше нет людей.
Есть только зонтики,
прячущие нас друг от друга,
Каждого под своим цветом.
И больше нет глаз,
И больше нет душ —
Души проколоты стальными спицами,
И больше нет меня.
Есть только тучи, дождь, лужи...
И зонтики.
Черные, красные, синие, желтые.

АНГЕЛ

Недавно ко мне прилетал Ангел.
По крайней мере, он так назвался,
Или это был хороший розыгрыш —
От моих друзей можно ожидать всякого.
Было это в прошлый четверг,
Как раз накануне праздника.
Я задержалась на работе
И очень устала,
В сердцах бросила в коридоре сумку
И в грязной обуви прошла в комнату.
Я без сил упала в кресло
И хотела включить телевизор,
Как вдруг увидела его.
Он сидел напротив,

На старой кухонной табуретке,
Бледный и замученный,
С темными кругами под глазами
И мокрыми прядями волос,
Прилипшими к бледным вискам.
У него были белые птичьи крылья,
Совершенно заляпанные грязью,
А босые ноги в кровь сбиты об асфальт.
Сначала мы молчали.
Долго.
Может быть, целую вечность.
А потом он сказал,
Что пришел со мной проститься.
Он говорил, что всегда был рядом,
Что все пытался отвести крыльями беду,
И даже прикрывал меня от ветра,
Но теперь устал,
И больше не хочет этого делать.
Он сказал, что глаза мои остались слепы,
Что до моего сердца
невозможно достучаться,

И когда нужно поворачивать налево,
Я все равно его не слышу
И иду направо.
А еще он сказал,
Что тысячу раз хватал меня за руку,
Чтобы удержать на краю бездны,
Но я всегда вырывала руку
И опрометчиво прыгала вниз.
А потом он добавил,
Что его советов я все равно не слушаю,
Или, скорее всего, не слышу,
И поэтому он больше не видит смысла
В том,
Чтобы оставаться со мною рядом.
И он ушел,
По-английски — не попрощавшись.
Просто закрыл за собой дверь,
Ну как-то совсем не по-ангельски!
А я потом долго сидела на кухне
И все пыталась вспомнить,
Где же слышала этот голос,
Ведь где-то слышала, это точно.
Вот только где?

* * *

Ты ушел рано утром.
Я варила на кухне кофе
И не слышала, как ты встал,
Как, торопливо одевшись,

Тихо-тихо вышел из дома,
Как спустился по лестнице вниз
И хлопнул дверью подъезда.
Ты шел по пустой улице.

Еще Луна не успела исчезнуть,
Под ногами скрипел белый снег,
Чистый утренний снег,
А у дороги скулил бездомный пес.

Ты никуда не опаздывал, но торопился,
Сжимая в руке вчерашнюю газету.
Ветер продувал тонкое пальто -
Ты забыл у меня шарф,

Но ты уже не думал об этом,
Ты просто уходил прочь.
А я в тот момент варила тебе кофе,
И была так счастлива.

* * *

Я умру на рассвете.
За окном, в полутьме,
будет кружить снег,
Первый осенний снег.
Он будет липнуть к стеклу,
Медленно стекая талыми каплями,—
Как и много лет тому назад.
Еще никто не будет знать,

Что я не спущусь к завтраку,
Что мне не нужно заваривать чай
И делать бутерброд,
Что я не выйду на улицу
Собирать опавшие листья
И яблоки — их в тот год
будет особенно много.

Что к вечеру не испеку пирог
И даже не успею замесить тесто.
Все будет тихо спать в своих постелях,
Еще не зная, что мой голос мертв,
И я никого не смогу простить,
И больше никто не услышит мой смех.
Мне не нужно будет улыбаться,
Когда хочется плакать,
И лгать, когда нет сил говорить правду.
Меня никто не сможет обидеть,
И я никому не причиню боли.
Я уйду тихо и спокойно,
Чтобы не потревожить их сон,
В котором, быть может, я еще живу.
А время будет по-прежнему капать
Капля за каплей,
И стекать по стеклу,
Голому холодному стеклу
Вместе с первым осенним снегом.
И ветер будет свистеть в трубе,
И первые прохожие
будут куда-то спешить,

И сутки будут убегать стрелкой часов
По темному циферблату чужой жизни.
Все, как и много лет тому назад...
Но уже без меня.

ПТИЦА

Вчера в мой дом влетела птица.
Я открыла окно после грозы,
И она легко впорхнула,
Широко расправив узкие крылья.
Она села на циннию,
Которая вот только собралась цвести
И выпустила большой розовый бутон —
Я испугалась за нежный цветок
И замахала на птицу руками.
А еще она крылом задела бокал,
И он, упав на паркет,
разбился вдребезги.

Это был мой любимый бокал.
И тут я вспомнила,
Что влетевшая в дом птица
Непременно принесет несчастье —
А значит, не жди ничего хорошего...
И тогда я выгнала ее на улицу.
Газетой,
Что как раз попалась мне под руку.
И, улетаая, птица с грустью
взглянула в мои глаза,

Словно сожалела о чем-то несказанном.
А когда она была высоко в небе,
И, казалось, вот-вот
коснется крылом облака,
Я вдруг увидела,
Что она была синей.

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Меня не надо прощать —
Я не люблю, когда меня прощают.
Просто забудьте обо мне и все.
Будто я и не жила на этом свете
И никогда не встречались с вами,
И не пила вместе вина.
Словно не было у нас общего прошлого,
И вы не поздравляли меня с днем
рождения,
И на Новый год не писали открытки.
Да. Забудьте обо мне и все.
А я буду тосковать о вас ночами,
И все думать, почему же вы не звоните
И не поздравляете с днем рождения,
И на Новый год не шлете открытки.

г. Московский Салон Литераторов

- Эй, парень, подожди! Да, успокойся, я не собираюсь читать тебе нотации или что-то выяснять, просто хочу помочь. Да стой ты! Посмотри на меня внимательно. Вот так, без тёмных очков и шляпы. Ну? Теперь-то сможешь уделить мне минутку?... Автограф? Ну, разумеется. Давай присядем вон туда.

Что, прямо на этуде? Да нет, просто жаль портить твою картину моими каракулями. Во-все нет - мне, правда, нравится. Талантливая вещь. Ладно. Как тебя зовут? Ага. Тимофею... Вот, держи.

Послушай, Тим, можно мне так тебя называть? Отлично.

Так вот, Тим, ты знаешь, почему я здесь? Я жил тут, когда был таким же, как ты. Этот двор, скажу я тебе – преинтересное место, я всегда прихожу сюда, когда оказываюсь в нашем городе. А жил я вон в том доме. Угу. Там я сочинил свою первую песню. «Глаза монстра» называется. Думаешь, это метафора? Нет, парень, это реальность. Я заглянул в глаза настоящему чудовищу. Нет, Тим, если я так говорю, то имею в виду именно чудовище, а не что-то другое. Да, видел. И написал об этом песню. Хочешь услышать, как это было?

В то время я учился в школе, ходил в музыкалку, и меня вот в этом самом дворе точно так же, как и тебя, жутко доставала компания отвязных парней. Зря ты кривишься, я не вру. Я ведь не родился известным музыкантом. Ха-ха. Ну, раз ты так считаешь, значит, и впрямь рок-звезда. Но это сейчас, а тогда... Тогда я хотел жить как обычный пацан, но с этим у меня были большие проблемы.

Видишь это ухо – бессменного лидера всех «лопухов» планеты? А в сочетании с пятном в пол-лица? Что? Круто? Ну, да... – сегодня это действительно выглядит лихо, как часть моего неповторимого имиджа, так сказать, но в те годы... м-м-м... в общем, меня просто считали уродом... Да уж поверь.

Я был не таким как все и за это непрерывно получал пинки и издёвки. А то и что-нибудь похуже. И особенно упорно меня изводила компания парней во главе с Гариком. Никакими талантами они не блистали, а о глубине их интеллекта нетрудно догадаться хотя бы по тому случаю, когда один из них измазал соплями мой портфель, а остальные ржали над этим, как безумные. И надо сказать, то была одна из самых безбидных шуточек. А? О, ну, конечно. Постоянно. Только вся беда в том, что мы явно принадлежали к разным весовым категориям. Кроме того, их было четверо, а я один.

Друзья? Нет. Кое-кто из ребят вроде относился ко мне нормально, но так, чтобы друзья... Увы, не сложилось. Никто не хотел из-за меня связываться с Гариком и его приятелями. Делать этим отморозкам было нечего, и они всё время болтались во дворе, сидели вон там за гаражами или тут, на лавке. И прохода мне не давали...

Короче, дошло до того, что однажды я взял иголку с ниткой и воткнул её в ухо, чтобы пришить его к черепу. А потом я намеревался приступить к уничтожению этого ужасного пятна. Собирался выжечь его. Думал, может, повезёт и на лице вырастет новая кожа, а нет, так уж лучше шрамы, чем это безобразие.

Наверное, я бы на такое не решился, если бы не Ленка Говоркова. Эх, красивая девчонка, просто супер! Она тогда только-только в наш

Чудовище в шкафу

дом переехала и чуть ли не в первый раз вышла во двор погулять со своей собачкой. А собачка-то – смешная до ужаса – мелкая, почти лысая, с тонкими, кривыми, постоянно трясушимися ножками. Глазёнки на всех пучит и визгливо так тьякает. Ну и дотягивалась. Разозлила нашего Бидона. Бидон - это пёс, здоровый бездомный кобель, во дворе у нас жил. Не-е, кличка на самом деле не странная. Просто он тут появился, катя перед собой старый бидон. Чёрт знает почему, но любил он играть с этой посудиною и никому не позволял к ней приблизиться. Вот его так и прозвали.

Меня Бидон хорошо знал, потому что я его частенько подкармливал. Один раз даже целый, только что купленный, беляш ему отдал. После этого Бидон меня сильно зауважал. Клокастый и страшноватый с виду, по характеру он был вообще-то спокойным и незлобивым. Но в тот раз в него словно бес вселился. Чем уж там Ленкина моська ему не угодила, неизвестно, а только разъярился он на неё не по-детски. Хорошо, я вовремя подоспел, а то бы моська – хана. Под Ленкины вопли сумел я пса от шавки оттащить и урезонить. В конце концов, гавкнув напоследок для острастки, Бидон удалился по своим делам, а я остался с Ленкой.

Она меня благодарила, а я стоял и смотрел, как солнце золотит светлые кончики её пушистых ресниц, и ветер пытается приподнять тяжёлые пряди каштановых волос. Я не вникал, что именно она говорила, только наслаждался переливами её голоса, словно она была не девчонкой, а певчей птицей, и, наверное, улыбался при этом, как полный дурак. Вряд ли я тогда понимал, что именно чувствую, мне просто было хорошо и всё...

Идиллия продолжалась недолго. Думаю, ты догадываешься, кто её разрушил. Ага. Их появление ознаменовалось ударом по моей спине такой силы, что с меня слетела глубоко надвинутая кепка, и моё ухо вырвалось на свободу, как неоспоримое доказательство, что Чебурашка – вовсе не вымысел. Ленка прыснула.

«Что, красавчик, опять сбежал из цирка уродов?» – заржал Гарик.

Дальше последовала короткая потасовка, и меня скрутили.

«Гюльчатай, открой личико!» – вскричал никогда не отличавшийся оригинальностью Гарик и комком грязи прилизал назад мою не в меру длинную чёлку, которую я носил, рискуя окосеть, чтобы хоть как-то прикрыть своё омерзительное родимое пятно.

В общем, они ещё долго издевались надо мной, и Гарик, как мог, выделялся перед Ленкой, а она, похоже, ничего не имела против.

Измазанный грязью и униженный до полного к себе отвращения, я ввалился домой и сразу направился в душ. И пока мылся, в голове у меня созрело решение раз и навсегда разобраться со своими проблемами. Мать, слава богу, должна была придти с работы поздно, и это оказалось как нельзя кстати.

Я достал ножницы, открыл дверцу шкафа, на которой висело зеркало, и одним махом отрезал чёлку. Чтoб не мешалась. В этот момент из окна упал луч солнца, и выпуклая темно-

бордовая середина пятна на миг вспыхнула красным светом. Отразившись от зеркала, свет ушёл в недра шкафа и оттуда вдруг послышался странный звук – то ли вздох, то ли стон. Я не понял, что это такое, но мне внезапно стало страшно, и спина тут же покрылась мурашками. Вспомнилось время, когда я был совсем маленьким мальчиком.

Вот ты, Тим, когда-нибудь в детстве боялся чудовища в шкафу? Ты его не видел, но иногда, по ночам, слышал, как оно шевелится в темноте. Может быть, ты даже жаловался маме. А она улыбалась и без всякого страха широко распахивала дверцы, и говорила, что в шкафу никого нет, но ты-то знал, что оно там, правда?..

Ну, да, я тоже так подумал. Действительно, что за глупость эти детские страхи? Я взял иголку, продел в неё толстую длинную нитку и вонзил в ухо. Было ужасно неприятно, но не так больно, как я ожидал. По-настоящему больно стало, когда я проткнул кожу черепа, чтобы сделать первый стежок. Стиснув зубы, я тащил нитку и отчаянно боролся со стремительно нарастающим желанием бросить эту затею. Чтобы не поддаться слабости, я принялась вспоминать самые гадкие и неприятные ситуации, в которые попадал из-за своих физических изъянов. Стараясь не упустить ни одной подробности, я буквально провалился в воспоминания как в иную реальность. Никогда бы не подумал, что такое возможно, но за несколько минут я уму-дрился заново в полной мере пережить сразу все свои мучения. В ушах зашумело, правда, как-то странно, словно этот шум рождался из глубины шкафа, но при этом каким-то непостижимым образом оказывался в моих ушах. Не успел я опомниться, как что-то гулко бухнуло, шум внезапно оборвался, и наступила тишина.

И в этой тишине я вдруг услышал музыку. Нет, вот тут я могу сказать точно: музыка звучала именно в моей голове, а не где-то ещё. Музыка рождалась нота за нотой, она звучала уверенно и сильно и рвалась наружу так, что кружилась голова. Это было обалденно прекрасно, волнующе и упоительно, и я понял, что если сейчас же не сыграю эту мелодию, то просто умру.

Я схватил гитару и прямо так, с болтавшейся на черепе иглой, стал играть. Легко и страстно. Я сидел с закрытыми глазами на полу, перебирал струны и чувствовал: во мне поднимается какая-то неведомая ранее сила, способная изменить не только меня, но и вообще всё вокруг, весь мир!

Думаю, Тим, я осознал тогда одну важную вещь: то, что я считал своими недостатками – на самом деле дар, способный дать настоящее вдохновение.

Вот тогда я и увидел чудовище. То самое, что много лет жило в моём шкафу, питаюсь моими муками. Прозвучал последний аккорд, я открыл глаза и увидел прямо перед собой монстра. Он больше не мог прятаться там, в темноте и вышел наружу, потому что всю свою боль я выжал до капли и влил в музыку, тем самым лишив его пищи. Отныне и навсегда.

Замирая от ужаса, я заглянул в его голодные глаза и поймал в них своё отражение. Но

Ольга Моисеева

Родилась и живет в Москве, окончила Московский авиационный институт. В поиске себя сменила несколько профессий: инженер, переводчик с английского, менеджер, преподаватель художественной резьбы по дереву, преподаватель английского языка.

Увлекается разными видами творчества. Пишет поэзию и прозу с 1997 года. В центре внимания глобальные вопросы: что значат жизнь и смерть, и где кончается одно и начинается другое; о тайнах разума и своём месте во Вселенной... Печаталась в журналах «Если», РБЖ «Азимут», «Знание - сила. Фантастика», «Лауреат»; сборнике «Звёзды ВнеЗемелья» и выпусках альманаха «Московский Дом». Член МСП «Новый Современник», член Московского Салона Литераторов.

оно не было таким, как в зеркале. Оно менялось, и я чувствовал, что действительно становлюсь другим. Страх исчез, и в голове моей начали складываться стихи. Да, те, что стали текстом песни «Глаза монстра». Чуть позже она принесла мне первый успех.

На следующий день я сделал себе татуировку по краю пятна и вставил в ухо металл. Я больше не хотел быть как все. То, что раньше делало меня слабым, теперь стало силой, настолько реальной и ясно видимой, что даже Гарик от меня отцепился...

Чудовище? О, когда я посмотрел ему в глаза, оно взревело и выпрыгнуло в окно. И с тех пор кочует по нашему двору в поисках нового хозяина, того, кто будет его кормить. И сегодня я увидел его тень за твоей спиной, Тим. Она была там, когда эти парни пинали твой этюдник ногами и давили тюбики с краской...

Нарисуй его, Тим. Нарисуй чудовище так же, как я в своё время его спел. Оно привязалось к тебе из-за твоих заморочек, но парадокс в том, что именно эти жуткие заморочки и позволяют тебе встретиться с ним лицом к лицу. Не бойся своей боли, вытщи её наружу, всю, без остатка, и ты увидишь, как из неё родится вдохновение. Да, так и будет, я знаю. Мы с тобой из одного теста, иначе я никогда не рассказал бы тебе всего этого...

Вот тебе пригласительный. Приходи завтра на концерт, я всегда начинаю выступление с песни «Глаза монстра».

Миниатюры из цикла «Любовь? Она – разная...»

Я не знаю, может быть, ты знаешь?

Мужчина и женщина - два параллельных мира, возможны ль пересечения? Возможны... как исключения, как случайная запараллеленность: попав, не выбраться. Иногда удаётся прошептать что-то, прокричать неуверенно, не надеясь, что эхо не исказит слова твои. Живем в искаженно-удаленной реальности. «Ничего не проходит бесследно» - твои слова-банальности?

Но вот кто-то не выдержал и заплакал, и рикшотом пошло-поехало через дома, улицы, звезды... и уже кто-то, совсем чужой и неведомый, в другом городе – в ином уголке земном, случайно вздрагивает и оглядывается:

«Ты что-то сказал?»

«Нет».

«Странно, показалось, наверное...»

...Вавилон.

Ты сказал, наша встреча с тобой не случайна: так зачем она?

Я не знаю, может быть, ты знаешь?

Когда ты рядом...

Когда ты рядом, боюсь спугнуть тебя. Прислушиваюсь к твоим интонациям.

Когда ты споришь, удивляюсь твоей напористости. Когда внимательно слушаешь, благодарна тебе. Когда ты властно к себе притягиваешь, молчу, погружаясь в твои прикосновения, поражаясь своей покорности.

Я купаюсь в твоей нежности, купаюсь в любви твоей. Смотрю в глаза твои и вижу свою новую историю. И ты в меня вглядываешься, словно с листа считываешь. Иногда как на ребенка смотришь с миленьем, тогда мне кажется, что силы твоей достаточно, хватит на нас двоих.

Но уходишь ты, словно в черные дыры проваливаешься. Знаю я: ты - в делах, может быть, тебя даже нет в городе. Где ты, с кем ты – для меня неведомо. Иногда рассказываешь истории из бисера. Когда перезваниваемся, радуешься. Но порой звонки мои – как в пустую комнату. Тогда в душе моей - неверие. А вдруг я тебя выдумала?

«Люблю, люблю, - отчаянно шепчешь ты. – Вера - это самое главное».

И стыдно мне за свои сомнения, назойливо-мелочные...

Вам нужны радости?

Ты говоришь мне: «Впереди летний день. Пусть он принесёт тебе радости - маленькие и не очень».

Радости маленькие и не очень - это серьезно. Я привыкла дарить их тебе, а себе... меня радости сами находят. Прибегают запыхавшиеся, вечно растрепанные, и плохаются на диван со словами: «Ах, вот ты где спряталась? Ну, наконец-то! Ищем тебя уже целых лет десять. За время пути, посмотри, как мы обветшали».

Молчу – не знаю, что и сказать, от неожиданности: какие-то они - сомнительные.

Но радости обижаются: «Мы что, уже не нужны тебе?» – и предлагают: - Может быть, мы останемся, если ты не придиричивая?»

Я не придиричива, они остаются.

Задумчивая Коломбина

Нет, я - не Пьеро, я – задумчивая Коломбина....

...межвременная, но с вечной улыбкой на усталом лице, с угловато-резкими словами и движениями. Слова и жесты – все вперемешку:

завод кончается. И эта хаотичность тебе раздражительна: то я говорю без умолку, то молча танцую в нелепом цветастом платье, слишком коротком - не по возрасту.

Скажи, стоит ли прилагать усилия или ты и так меня считаешь?

Так многим хочу с тобой поделиться, только тебе хочу рассказать о главном.

Но слова вдруг теряются, застревают и перестают иметь смысл, и я замолкаю: не знаю, с чего начать, чем закончить, да и вообще, можно ли с тобой говорить?

Потанцую?

Муха

Жаль, что есть ограничения во времени.

Жаль, что нельзя быть хозяином своему настоящему.

Жаль, что нет ответов на мои «Как ты? Где ты? Как ты? Где ты?»

Жаль, что мы другдружина иллюзия.

«Жаль-жаль-жаль», - вот я и зажуужала. Как муха!

Лучше бы ты сразу меня прихлопнул.

Если...

Если я тебе не звоню, это ничего не значит.

Если я тебе не пишу, это ничего не значит. Если я плачу, кричу тебе что-то обидное, это ничего не значит.

Если я

Это ничего не значит.

И если ты... это ничего не значит.

Что тогда значит?

Стефания Солис (Ольга Грушевская)

Родилась и живет в Москве, окончила английский ф-т МГПУ им. В.И.Ленина, писать начала с 18 лет. Прозаик, переводчик. В 2006 году вышел первый сборник рассказов и повестей «Лента Мебиуса». Печаталась в журналах «Разумный мир» (Москва), «Цолкер» (Ереван), в альманахах «Не случайные встречи» (М., 2010,), «Секрет» (Израиль, 2010), в сборниках современной московской прозы «Время московское»(2007), «Московский Дом», Выпуск 1,2 (2010). Член Правления МСП «Новый Современник», Руководитель проекта «Моссалит».

Полина Амбург (Вакс) За любовь нужно бороться

Твоя любовь-твое дитя,
Оно нуждается в защите,
И если ты живёшь любя,
То не оставь его в обиде.

Коль ты любовью одарён,
Храни судьбы подарок строго,
Не каждый даром наделён
Своей душой согреть другого.

Не потеряй свою любовь,
Её найти не просто в жизни,
Когда дрожащею рукой
Любви своей читаешь письма.

Ты ждёшь звонка, письма, визита,
Что б уловить любви лучи,
Твоя душа совсем раскрыта,
Горит под пламенем свечи.

Не смей бросать любовь свою
На произвол судьбы жестокой,
Борись и погибай в бою
На поле битвы одиноком.

Пушай тебя не остановят
Враги, завистники, друзья,
Любовь борьбы за счастье стоит,
К любви не лёгкая стезя.

У каждого своя любовь,
Но каждый хочет в жизни счастья,
Рождается и умирает вновь,
Сражённый в сердце силой страсти.

Что б в этой жизни не случилось,
Ты за любовь свою борись,
И если чувство зародилось,
Ты за него сильнее держись!

Роза и Гладиолус

Блаженство глаз-садов цветенье,
Цветов прекрасный аромат,
И это чудное виденье
Пленит мне душу, манит взгляд.

В саду среди цветов прекрасных
Я вижу розу вдалеке,
Она пылает цветом красным,
Бутоном ярким, как в огне.

Я вижу рядом гладиолус,
Он нежно-белый, словно снег,
Я будто слышу его голос,
Как звон капли по весне

Как необычно сочетание,
Но гладиолус тянет к розе,
Как двух влюблённых на свиданье,
В судьбе цветов метаморфозе.

И роза льнула к белоснежным
Цветам, что гладиолус красят,
Их чувство было светлым, нежным,
И не было его прекрасней.

Ничто беду не предвешало,
Цветы бутонами кивали,
Их ароматов покрывало
Прогнало мысли о печали.

Но вдруг садовник появился,
Стоял он долго над друзьями,
Он вдруг над розой наклонился,
И выкопал её с корнями

Садовник розу аккуратно
В горшок цветочный посадил,
Дороги в сад ей нет обратной,
Там гладиолус лишь один.

Судьба у розы оказалась
Довольно странной, необычной,
Она в подарок назначалась
Для одной дамы заграничной.

Прошли зима, весна и лето,
Взошли ростки, пришли плоды,
Готова к празднику букеты,
Срывали девушки цветы.

Им нужен белый, для контраста,
У них есть желтый лепесток,
Есть георгин кроваво-красный,
Вот гладиолуса цветок

Так гладиолус тот сорвали,
Его в букет определили,
Он продавался на вокзале
Среди цветов, что в изобилье.

Букет купили провожая,
Кого-то в Штаты, за границу,
Ему счастливый путь желая,
И хорошо повеселиться

И вот уже полёт окончен,
Все чемоданы разобрали,
Букет с дороги не испорчен
И можно в вазу его ставить.

Тут незадача получилась,
Нет лишней вазы для букета,
Нашлась одна, в ней находилось
Пять роз рубинового цвета.

И так цветы стояли в вазе
Дней пять, потом они поникли,
Лишь два цветка, как ноты в джазе,
К друг другу стеблями приникли.

Уже закончились все песни,
И лепестки с цветов опали,
Лишь гладиолус с розой вместе
Стоят, друг друга обнимая.

Осенний треугольник

Правой рукой я крепко держалась за гусиную лапу. Каждый взмах крыльев выписывал траекторию, и я то опускалась, то поднималась на воздушной волне. В левой у меня был чемодан. Торопясь, волнуясь – Вот они уже взлетают! – я забыла застегнуть на нем замочки. Просто прихлопнула крышку и с разбегу ухватилась за лапу крайнего в косяке...

Треугольник был идеален в своей геометрии, и только чемодан нарушал пропорцию. Он болтался в моей руке как «соринка в глазу», и эта паника – Раскроется! Раскроется! – отравляла радость полета.

Казалось, только вчера не было никакой возможности обрести гармонию, надежду, предвкушение какой-нибудь радости (любой, самой невыполнимой, или, наоборот, совсем никчемной в своей значимости). Казалось, что попытки найти причину, по которой запоем сердце, ни к чему не приведут, и бесполезно протягивать руки и пытаться ухватиться за мысль в своем немом вопросе: – А что завтра?

Только бы не открылся чемодан! Этот полет прекрасен. Это движение навстречу неизведанному, новому, обещающему окрыляло радостью и предвкушением. – Завтра! Завтра!

Еще один жизненный виток со своими огорчениями, нежностями, восхищениями и вечерним уютом. Даже эта неопределенность в желаниях и ожидании уже дарила предчувствие, волнение и нетерпение: – Завтра! Завтра!

Если б не эта боязнь потерять вчерашнее... Этот багаж, небрежно, безалаберно упакованный, с первой минуты, когда появилась память. Этот беспорядок в датах, событиях, ошибки и победы, дни, одобренные горестью и слезами, и всегда надежда. Надежда на возможность перешагнуть ошибки, простить себе и другим. Переродиться. Начать сначала и, конечно, ничего не переделывать, а нежничать с ней, с памятью этой... Умиляться и плакать от жалости и любви к близким людям. Ко всему живому. К себе. Радоваться всплескам памяти и волшебству сохранности ее...

Чемодан открылся – и все полетело осенними листьями вниз, вниз, кружась в замедленном танце; листочки недописанных стихов все пытались создать свой косяк и подравняться в полете, но ветер разбрасывал их в стороны, и они опускались на траву, на ветки деревьев присаживались белыми птицами, и такое огорчение, такое чувство одиночества... А косяк уплывал все выше, дальше на юг, на юг...

Сердце остановилось от разочарования, а больше от жалости к этим белым комочкам. Рука разжалась. Освободившаяся лапка вошла в треугольник, несколько взмахов крыльев – и косяк стал удаляться под лучами просыпающегося солнца.

– На юг! На юг!

Приземлившись, я побрела в обратном направлении, бережно собирала опавшие белые листы, распрямляла их, поглаживала, укладывала в чемодан и кусала губы, чтобы остановить слезы...

Скромный ноябрьский рассвет ласково, с сочувствием лег на мои плечи, и, успокоившись, смирившись, я оглянулась назад, подняла глаза к небу и, увидев еле заметный треугольник, помахала рукой:

– До свидания! До встречи! Я буду ждать весну.

Марина БРОДСКАЯ

Полнолуние

Ну, конечно, же дождь...Серо-размытый, косой, в лицо, каплями в очки, и окружающее видится как в искривленном зеркале, и привычные формы предметов теряют чёткость, ступёвываются и смотрятся как театральная бутафория. И даже сам факт – опять полёт, и опять дождь, носит характер условной игры. Если мы летим – мы дождем, если мы дождем – мы летим...

Магическое и обворожительное настроение подкралось ещё в начале ночи, когда, боясь проспать рейс, я вскакивал каждый час, и, схватив будильник, на цыпочках, почти бесшумно, неся к окну, прищурившись глядел на стрелки, путая минутные с часовыми...

Облака, разогнавшись в беге ещё с вечера, всё так же неслись в одном направлении. Тёмно-серые, причудливой формы, словно нашкодившие монахи в рясах, торопившиеся поскорее вернуться в обитель. Но, как и положено по загадочной тайне движения, при появлении луны, они останавливались, как по приказу «ЗАМРИ», и луна бегала, прячась за их юбки и выглядывая неожиданно, строила удивленно - радостное лицо: «А вот и я...»

Едва зарождающийся рассвет, проникая в квартиру сквозь высокое окно, разбрасывал тени-отражения несущихся облаков, и движение их создавало иллюзию несущегося поезда. Гостиная превратилась в купе вагона, и поезд несётся в предрассветном пространстве, и в окне мелькают полустанки, перелески, бегущие монахи, дедушка с улыбающейся луной под мышкой... Улыбка у круглолицей то испуганная, то радостная. Увильнув из под дедовой руки, она покатила назад, и наигравшись, набегавшись, устала к утру, и зевнув напоследок, скрылась за дождевой завесой...

Плащ с готовностью укутал плечи хозяина, и темно-серый кожаный саквояж, нарядный, как ребёнок, которого наконец-то взяли на прогулку в зоопарк, - с радостью прыгнул в протянутую руку.

Забывтый зонт разочарованно прислонился к дверному косяку и с завистью глядел на саквояж в руке хозяина, и, затаив обиду, уже почти смирившись, стал терпеливо ждать своего случая.

Я вежливо кивал из окна такси фонарям, которые с великосветской чопорностью приподнимали шляпы в ответ:

- Приятного путешествия! До скорой встречи!

Длинноногая французенка на огромном плакате, на стене углового здания, сидя за столиком в бистро с чашкой кофе, была элегантна до чёртиков, и её кумачово -алые губы на фоне чёрного казались живущими сами по себе, отдельно, не только от стройных ножек и короткого платица «тюльпаном», но и отдельно от всей картинки вожделенной чашки кофе на рекламе.

Сквозь стеклянную стену, изнутри ярко освещённого здания аэропорта, открылась панорама, казавшаяся бескрайней. Перечёркнутое наискось косыми струями лётное поле, мокнувшее под ливнем; лайнеры стоящие гуськом друг за другом в ожидании взлёта понуро опустили клювы, повесили крылья, с которых стекали ручейки неумоимого дождя.

Монахи торопливой походкой семенили друг за другом, у каждого - библия на колёсиках в правой руке, а левой они приподнимали слегка свои рысы, чтобы не споткнуться. Одновременно они поглядывали на французенку, сидящую в кафе, она им улыбалась, окунала свои пальчики в чашку и шуточно орошала их капельками кофе.

Я вприпрыжку догнал жёлтую машинку и, запрыгнув на сидение, понёсся по лабиринту переходов, обгоняя монахов, старика с луной под мышкой, на ходу попытался поцеловать алые губы французенки, свернул в боковой переход. Кафе «Бон-Бон» накренилось и стало уплывать со скоростью электрокара назад, и скрылось за поворотом.

На взлётной полосе первый лайнер, встряхнув клювом и расправив крылья, подмигивал мокрыми окошечками и звал, звал войти во внутрь:

- Скорее, скорее - я готов к полёту!

Монахи бежали дружной стайкой, за ними французенка грациозно перепрыгивала лужи и на ходу подбирала листы, рассыпавшиеся из библии...

Будильник вскрикнул громко и неожиданно, как петух, который почти проспал рассвет...

Марина БРОДСКАЯ

Александр Очеретянский

Родился в г. Киеве, в 1946 году. Стихи пишет с середины 60-х, прошлого, разумеется, столетия. В Сов. Союзе не печатался. Автор 8-ми поэтических книг, опубликованных в России и в США; библиографии «Россия. Литературный авангард. 1890-1930»; двух коллажных книг, множества неопубликованных коллажей и коллажных книг, соавтор двух книг по исследованию русской литературы 10-20-х гг. XX столетия, а также поэтической антологии того же периода. Автор многочисленных публикаций в периодических изданиях (бумажных и электронных) по обе стороны океана. Редактор и издатель литературно-визуального альманаха «Черновик» с 1989 года.

Я то зверею, то смиряюсь

неполное собрание мелочей
по формальному признаку 1966 - 2009

1.

ненормальные ненормальны
ненормальностью нормальных

.....
затяжная скупая невзрачная прелесть

.....
не день, а дань

.....
я устал от усталых людей

.....
не зима, а недоразумение

.....
не бессоница, а бессмыслица

.....
без жены как без хлеба

2.

отточен жест и сдержан крик

.....
библию духа открой

.....
нежность — человек, осмелившийся
погладить бездомную собаку

.....
поэмофраза из письма:

.....
как все-таки безжалостно линияет

.....
новизна

.....
стадное чувство: почки набухли

.....
и уже зазеленела желтая трава

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

СМА

Если вам надоело одиночество

*“...то полюблю на всю оставшуюся жизнь женщину, проживающую в Крыму, на Украине, в Молдавии.”
Объявление в брачной газете*

— Добрый день, господин следователь. Спасибо, что согласились меня выслушать. Может быть, это и не тот человек, кого вы так давно ищете, даже наверное не тот, но мне будет спокойнее, если я вам все расскажу. Я его не видела семь лет, и вдруг он снова появился, позвонил мне в дверь. Я открыла, а он стоит на лестничной площадке. У меня две двери, внутренняя деревянная и наружная металлическая, и вот на этой самой на наружной нет глазка. Так глупо, глазок только на внутренней двери, а на железной нет. Да, теперь я конечно установлю глазок, я уже заказала, они завтра придут устанавливать.

— Не волнуйтесь, не спешите. Может быть, хотите пить? Воды, кофе?

— Да, если можно, стакан воды. Спасибо. Так вот, я открыла дверь и держу ее, а он стоит на лестничной площадке, прислонился к перилам и смотрит на меня. Совсем не изменился, столько лет прошло, я постарела, моя кошка постарела, а у него только виски поседели.

— Расскажите, как вы познакомились, и почему, собственно, вы его боитесь?

— О, это целая история! Ничего, если я буду говорить об этом в третьем лице? Назовем героиню Тильда, это одинокая женщина неопределенного возраста, между тридцатью и пятидесятью. Среднего роста, средней комплекции, обычная женщина, каких много. Мне так легче, как бы сочиняешь историю о ком-то совершенно постороннем. Как будто это было не со мной. Как будто этого на самом деле не было. Итак, господин следователь, я начинаю.

За окном собирается дождь. Он собирается уже третий день, и под ватным одеялом облаков в застывших испарениях Города дышать нечем. От баррикад мусора в черных мешках несет, как никогда. В помойных дырах метро воняет, как из разверстой могилы. О Господи! когда ты хочешь наказать человека, ты лишаешь его разума, и он поселяется в Городе.

Надо дойти от квартиры по мягкому асфальту до метро, спуститься вниз по лестнице (металлический поручень обжигает руку), постоять на раскаленной платформе, пока придет поезд. В вагоне, в кондиционированном воздухе, будет полечке, если абстрагироваться от вони, идущей от попутчиков. Отдельно благоухают китайцы, и чего они только едят такое китайское, или это соевые соусы разлагаются при переваривании? Трудно сказать, и дышать тоже нелегко. Черные обливаются парфюмом, результат — обморочный.

Так, доехала, теперь вылезаем из метровой норы в утреннее пекло города и пешком семь кварталов до офиса. Ну конечно, этот старый козел не включил кондиционер, в офисе стоит горячий воздух, приправленный его утренним пердежем. Открываю окно и включаю кондиционер, молча выслушиваю порцию его ворчания по поводу пустой траты электроэнергии. Отвалил наконец-то, теперь можно развернуть газету и прочесть объявление ее раз:

«Обеспеченный одинокий белый джентльмен 52 лет, рост 6 футов 2 дюйма, вес 240 фунтов ищет знакомства с привлекательной, здоровой дамой 35-55 лет, любящей природу и искусство, для длительных отношений и, возможно, большего. Звонить 617-569-8974. Говорить по-английски.»

Посмотрим в зеркало: ну-с, господа, я привлекательная и относительно здоровая дама соответствующей возрастной группы. Я обожаю природу и ничего не имею против искусства. Я создана для длительных отношений и возможность большего меня не пугает, скорее наоборот. К тому же я свободна, хотя и не всегда правильно, говорю по-английски с мягким, совсем не русским, скорее итальянским акцентом. Почему — неизвестно, чудеса фонетики.

Теперь вернемся к объявлению. Ага, сей обеспеченный (несомненное достоинство) джентльмен проживает в районе с телефонным кодом 617. Это Массачусетс, господа, город Бостон. В городе Бостоне средняя квартплата примерно на 20-30% выше, чем в Городе, это потому, что там живут в основном хорошо зарабатывающие люди.

Прекрасно, по крайней мере не будет задавать мне вечный русский вопрос, или, вернее, два вечных русских вопроса: сколько я зарабатываю и почему мне так мало платят? Такое впечатление, что из говорящих на великом и могучем дееспособных мужиков на свободе остались одни альфонсы, а остальные прочно женаты, уже умерли или импотенты, что, впрочем, все равно для нашего бабьего дела.

А вот и фотография: голова продолговатая, подбородок тяжелый, глаза небольшие,

внимательные, коричневые. Волосы коротко стриженные, под расческу, над правой бровью нависает густой чуб. Небольшие аккуратные усы. Широкие тяжелые плечи. Интересный мужчина. Прямо сейчас ему и позвоню, пока другие не перехватили. Набираю, длинные гудки, приятный баритон просит оставить сообщение после сигнала:

— Алло, я звоню по объявлению, меня зовут Тильда...

— Вынужден вас прервать, у нас не так много времени, как хотелось бы. Это все очень интересно, широкий захват, я бы сузил. Итак, вы прочли его объявление в газете, посмотрели фотографию и позвонили, все было именно так?

— Не совсем, меня просто понесло не туда, в сторону от реальности, извините. Никому я не звонила, я стесняюсь первая звонить. Я дала объявление в газету, в брачную газету. Тильда и этот мужчина, они познакомились по переписке.

— Расскажите, как Тильда вступила с ним в переписку, — следователь располагающе улыбнулся, включил диктофон, — не спешите, вспоминайте, я все отменил на сегодня, все время ваше.

— Тильда дала объявление в брачную газету, ничего особенного, нечто вроде: «Одинокая женщина средних лет, с образованием, устроенная, без материальных и иммиграционных проблем, ищет спутника жизни». Вместо обратного адреса почтовый ящик. Не так много писем пришло, но все-таки около сотни, пожалуй. Да, Тильда сама его выбрала, из всей этой кучи писем. Могла бы и кого-нибудь другого выбрать, так нет, его письмо ее чем-то зацепило.

— В какой газете Тильда опубликовала объявление? Название газеты, город?

— Газетка эта, «Семья и дети», лежала на журнальном столе в парикмахерской на Коламбус авеню, угол Восьмидесятой. Издаётся, по-моему, где-то в Вермонте, а распространяется по всему восточному побережью.

Это мой invisible friend уговорил меня дать объявление. Я ничего такого не искала, мне было и так достаточно хорошо. Мой полутайный роман меня вполне устраивал. Секс на уровне и хорошо иллюстрирован. Но иногда, господин следователь, хочется чего-то такого, чего мне доктор не выписал — своего мужчину, чтобы деньги приносил, а мусор выносил. Ходил в магазин за молоком и хлебом, по выходным ездил со мной за город, гулял меня по зеленой травке, прощал мне мои морщины — стрел был вместе со мной. Вы понимаете, о чем я говорю? Ах, вы женаты! Второй раз?! И вам уже ничего такого не хочется? О, это самая лучшая женщина в мире? Самая большая ваша удача? Я вас так понимаю! Я вам даже не завидую. Раньше, еще пару лет назад, я бы вам позавидовала, но сейчас уже нет; я все еще мечтаю, иногда. Но уже не надеюсь.

— Много писем пришло? — следователь встал, подошел к окну, приподнял раму, открывая на ладонь, потом сел на подоконник, потер затылок.

— Не так много, но все-таки около сотни, пожалуй. Я устала от третьего лица, можно, я буду говорить о себе? — Тильда откинулась на спинку стула, посмотрела следователю прямо в глаза, улыбнулась, он кивнул, ну конечно, как вам удобней в данный момент!

— Да, я сама его выбрала, из кучи писем. Верно говорят, что Рыбы всегда делают неправильный выбор, а я Рыба по гороскопу. Я могла бы и кого-нибудь другого выбрать, там была парочка дантистов, в этой куче, так нет, его письмо меня чем-то зацепило. Я сейчас думаю, что в нем было такого? Ничего, просто ничего. В отличие от большинства, он не расхваливал себя, не ругал бывшую жену. Несколько строк, очень сдержанных, только минимальная информация. Нет, я не сохранила это письмо, выбросила, когда с ним все закончилось. Почтовый штемпель был бостонский, если это для вас важно. — Тильда смотрела в окно, как в зеркало, не видя, что за ним, вспоминая.

Они встретились на углу Коламбус авеню и Восемьдесят Пятой в «Джо» кафе, и сразу узнали друг друга по предварительному описанию. Тильда улыбнулась ему своей самой лучшей улыбкой, которую она берегла с детства для особо торжественных случаев. Сейчас был как раз такой случай. Она сама выбрала этого мужчину из мешка писем, вынула его оттуда как лотерейный билет. Конечно же, он вполне хорош для нее. Он поможет ей избавиться от этого наваждения, от бесконечного, съедающего ее жизнь романа.

Если вам надоело одиночество, то полюблю на всю оставшуюся жизнь... полюби, полюби, осмелюсь любить. Прости ему все свои несбывшиеся планы, пустые, грохочущие, как ведро без воды, надежды, не сына, не дочь, этому уже не помочь.

Посмотри на него, какой он: высокий, тяжелоплечий, с большими, тяжелыми кистями рук. Голова продолговатая, подбородок тяжелый, глаза небольшие, внимательные, коричневые. На кого они похожи, эти глаза? На глаза собаки, поджарой, сильной собаки, которая только что, совсем недавно стала собакой, а до этого была волком. Волосы коротко стриженные, под расческу, над правой бровью нависает густой чуб.

Следовательно, крепкий мужчина лет сорока, откинулся на стуле к стене, поднял руку, останавливая поток слов, захлестывающий Тильду, и спросил:

— Чуб, это важно, глаза, что еще? Вы что-то сказали о руках, что-нибудь характерное заметили? Кольцо, часы? Татуировка?

— Ногти у него были коротко обрезаны, аккуратные ногти, чистые. Да, чистые, а он писал, что работает в шахте, слесарем. У шахтеров ведь ногти черные, с черным ободком, правда? Видимо, он не работал в шахте. Нет, он не носил никаких колец, цепочек, часы имел самые обыкновенные, долларов за сто, не дороже. Одежда простая, но аккуратная, туфли начищены, нижеше белье всегда новое. От него хорошо пахло. Да нет, никакого особенного парфюма, просто чистотой, здоровьем.

— Шрамы, татуировки, бородавки? — спросил следователь.

— Никаких шрамов на теле он не имел, даже от аппендицита. Нет, родимых пятен тоже не было. И татуировок. Безупречное тело, безо всяких повреждений. Усы, он носил усы, небольшие такие усы, всегда аккуратно подстриженные.

— Как прошло ваше первое свидание? Где вы встретились? Кто выбрал место?

— Первое свидание я назначила в кафе. Вернее, я сказала: в кафе, и он тут же предложил место; кафе, которое он назвал, оказалось совсем недалеко от моего дома. Как будто он уже знал, где я живу. Тогда мне это показалось забавным совпадением, не имеющим никакого значения. Теперь я понимаю, он знал, действительно знал... — Тильда побледила, дыхание ее пресеклось, она поднесла руку ко рту.

— Еще воды? — спросил следователь.

— Спасибо, пожалуй, да, мне надо принять лекарство. — Тильда достала из сумочки бархатный кошелечек с таблетками, положила одну, голубую, в рот, запила водой из поданного следователем стакана.

— Если вы неважно себя чувствуете, мы можем закончить на сегодня, — предложил следователь.

Тильда глубоко подышала, отпила еще глоток воды:

— Ничего, я в порядке, могу продолжать.

— Он оказался хорошим собеседником. Сам говорил очень мало, но так слушал, что начав говорить, вы уже не могли остановиться. Он не был образованным человеком, нет, я думаю, он даже школу не закончил, никогда не брал в руки книгу или газету, а у меня их всегда пачка лежала на журнальном столе. Но о чем бы я ни говорила, у меня было полное ощущение, что он понимает, о чем я говорю, и разделяет мое мнение. У него был редкий природный дар — он как бы растворялся в личности собеседника. Полное приятие, ни малейшего отторжения. При соответствующем образовании он был бы выдающимся психотерапевтом.

— Возможно, он прошел специальный training. В определенных армейских частях это обязательная часть подготовки. Но продолжайте, я не хотел вас перебить. Еще кофе? — предложил следователь.

— Нет, спасибо, достаточно одной чашки. Можно ли здесь курить? — достала сигареты из сумочки Тильда.

— Сейчас нигде нельзя, вы же знаете. Да ладно, курите. Я тоже закурю, — следователь достал из кармана хрустальную туфельку-пепельницу, коробок спичек, пачку сигарет, чиркнул спичкой, подал огонь Тильде, потом закурил сам.

Они молча покурили, выдыхая дым в открытое окно, потом следователь снова включил магнитофон и Тильда продолжила:

— Наверное, вы правы, его включенность в собеседника была результатом специальной подготовки. Теперь, когда я рассказываю об этом, я понимаю, что наши с ним разговоры не были беседой, и, возможно, он не совсем понимал, о чем это я, но это было неважно тогда. Это неважно и сейчас. Какое-то время мне было с ним хорошо.

Он приезжал в пятницу к ночи или в субботу утром и уезжал в воскресенье вечером. Выносил мусор, ходил в магазин за молоком и хлебом, забивал гвозди в стенку, гулял с мной по городу, ходил в кино, спал со мной. Как-то принес трехлитровую банку молока, большой пакет картошки, еще каких-то овощей.

— Зачем ты так нагружаешься? Не надо, отдыхай, — сказала я.

— Кто тебе принесет? — ответил он и в голосе его я со страхом и каким-то сладким стыдом услышала жалость.

Он и правда меня жалел. Не мучил в постели; мы делали простой, без всяких изысков, что называется классический секс, и оказалось, именно этого я и хотела. Целовал и гладил где и как надо и не слишком долго, никогда не повреждая мою нежную кожу; был всегда наготове, легко начинал, продолжал и заканчивал, не требуя от меня никаких дополнительных усилий.

Физически он был очень здоровый человек, со здоровой, нормальной физиологией. Это проявлялось не только в постели, но и за столом, и в уборной. У него не было отрыжки, газов, бурчания в животе. Он не храпел, не перхал, не отплевывался, не ковырял в зубах и в ушах, по крайней мере при мне он этого не делал. Ел очень аккуратно, не торопясь, и совсем немного для мужчины, занятого физической работой. Настолько немного, что поначалу я стеснялась своего неумного аппетита, но, поскольку он никогда этого не комментировал, я вскоре перестала стесняться и ела в охотку, сколько хотела.

Я вам все это говорю, потому что вы следователь. Это ведь как врач, правда? Не стыдно сказать, если пучит или запор, или на спине высыпание. Это ведь не каждому скажешь, это не принято говорить.

Надо говорить то, что принято в обществе, то, чего от тебя ожидают. Я с недавних пор решила — буду говорить как есть, что думаю, называть дерьмо дерьмом, а золото золотом. Не могу сказать, что мне это добавило популярности, золото все-таки редкий металл. Но жизнь такая короткая, жалко тратить время на реверансы с дураками.

Я отлежалась, извините, занимаю ваше время на не относящиеся к делу рассуждения.

Так вот, возвращаясь к началу нашей криминальной истории. Вам она не кажется криминальной? Вы думаете, я сумасшедшая истеричка, которую бросил мужчина? Ну да, бросил семь лет назад, а вчера вдруг вернулся. Сейчас, сейчас, я вам расскажу кое-что и вы передумаете.

— Это не преступление, вернуться через семь лет. Глупость, пожалуй, но не преступление, — следователь налил себе еще кофе из кофеварки и устало откинулся на спинку кресла.

— Не буду тебя убивать.

— Что вы сказали? — следователь выпрямился в кресле, остро взглянул на Тильду.

— Он сказал мне это в постели, в нашу первую ночь вместе. После встречи в кафе я пригласила его зайти. Он меня проводил, мы стояли у дверей квартиры, в подъезде, он спросил, можно ли ему войти, и я сказала, ОКэй, заходите. Как только он вошел и закрыл за собой обе двери, я поняла, что сделала ошибку.

— Почему вы так решили?

— Я ничего не решила, я вообще перестала решать, только чувствовала. Знаете, как в старом анекдоте про чукчу: в лесу кто-то есть. Откуда знаешь? Я не знаю, я чувствую. Так и я, оказалась в лесу, за железной дверью, на окнах решетки, а рядом дикий зверь, не человек. А со зверями надо вести себя тихо, не шуметь, не делать резких движений.

Я дала ему комплект постельного белья, показала, как раскладывается диван, и ушла к себе в спальню. На двери была задвижка, но я не стала ее закрывать, просто плотно прикрыла дверь. На дверную ручку я повесила бусы, чтобы услышать, когда он откроет дверь. И он пришел, примерно через час.

Звякнули бусы, он тихо прошел босыми ногами по полу, сел на мою постель. Я лежала тихо, не шевелясь, смотрела на него, слегка улыбалась. В окно светила городская ночь. Он погладил мои плечи, грудь, я не шевелилась. Он прилег рядом, положил правую руку мне на шею. Я легко вздохнула, погладила его руку.

— Не буду тебя убивать, — сказал он, и был очень нежен со мной. Перед тем, как уснуть, он положил мою руку себе на голову. И потом, во сне, когда моя рука сдвигалась в сторону, он делал бессознательное движение головой, возвращая ее на место. Волк стал собакой.

Окончание на след. странице

– Как долго продолжались ваши отношения? – спросил следователь. Открылась дверь, в кабинет вошел молодой сотрудник со свежим кофейником в руке. Следователь написал несколько слов на листе бумаги, подал сотруднику, кивнул, отпуская. Открыл крышку кофейника, понюхал, улыбнулся, потянулся за чашкой.

– Кофе? Замечательно, я тоже выпью кофе, – Тильда встала, подошла к столу, налила горячего кофе в чашку, всыпала пакетик сахара, подумав, добавила еще два. Отпила глоток, подошла к окну, присела на подоконник.

– Все закончилось в апреле следующего года. Получается, примерно полгода. В очередной понедельник утром, перед отъездом, он провожал меня на работу. Уже было видно здание моего офиса, когда он остановился и сказал:

– Давай здесь попрощаемся.

– Давай, – спокойно сказала я, – до субботы, пока.

– Я больше не приеду. Моя жена вернулась с севера, мы решили попробовать еще раз. Я больше не приеду, прощай.

– Вот как? – сказала я. – Ну что же, прощай наконец. Я никогда тебя не любила, прощай и не возвращайся больше.

Я ушла, не оглядываясь, меня трясло, и что это было – обида, радость, облегчение – не знаю.

И прошло семь лет, как семь дней. У меня были другие встречи, другие мужчины, я была гораздо более осторожна теперь, никаких газетных объявлений. Иногда я вспоминала о нем, неясно, неотчетливо, как о старом забытом сне.

* * *

– Вчера в два часа дня раздался звонок в дверь. У меня две двери, я вам, кажется, уже говорила, внутренняя деревянная, с глазком, и наружная железная, без глазка. Иди-отство, правда? наружная дверь и слепая. А если посмотреть в тот глазок, что на внутренней двери, так ведь ничего не видно, только внутреннюю сторону наружной двери, ну вы понимаете? Это так исторически сложилось, сначала была одна дверь деревянная, резная, с глазком, а потом обстановка осложнилась, все начали баррикадироваться в квартирах, ну и я тоже, как все. Поставила железную дверь, а чтобы заказать глазок и замок хороший, так этого нет, никак руки не доходят. Он сказал:

– Здравствуй, я вот приехал, повидаться. У меня с женой ничего не получилось.

– А у меня все хорошо, – ответила я, – не нужно тебе приезжать.

– Нет, не хорошо, я знаю, – сказал он печально.

– Прощай, больше не приходи, – я закрыла дверь, заперлась на все замки. Думала до утра, и вот говорю с вами. Я думаю, он вернется.

В кабинет вошел давешний сотрудник, подал следователю папку, наклонившись, что-то тихо сказал.

– Мы тоже думаем, он вернется. Действительно, в обозначенный вами период Жених прекратил свою деятельность. Вы единственная живая свидетельница. Чем-то вы его зацепили, внутренним покоем, несуетой, не знаю...Была еще одна женщина, она случайно уцелела, ее кот спас, был так, что соседи пришли. Но она через сутки умерла в больнице. Поэтому мы знаем, что это он, Жених, описания соответствуют.

Следователь устало улыбнулся, потер затылок, накрыл ладонь Тильды своей:

– Вы должны понять, что от зверя подобного рода невозможно спрятаться, никакие замки, решетки, телохранители не помогут. Как бы мы ни хотели, мы не сможем вас защитить. Он пришел открыто, показался вам, позволил закрыть дверь, вы еще живы, – это аномалия, что-то вроде воздушного пузыря в трюме затонувшего корабля. Вы – его слабое место.

* * *

Он сидел за столиком в кафе напротив следственного комитета, читал газету, пил кофе, ждал. Напрасно она туда пошла. Все-таки она постарела. Теперь надо ждать.

Из-за угла вылетела машина скорой помощи, остановилась у подъезда напротив. Два дюжих парамедика, прихватив носилки, вошли в здание. Он ждал. Через десять минут из подъезда все те же парамедики вынесли носилки, на которых лежала женщина в кислородной маске, накрытая одеялом по грудь. Голова была запрокинута, волосы рассыпались, проступила непрокрашенная седина у корней. Парамедики засунули носилки в машину, один из них влез внутрь, другой закрыл дверь, сел в кабину. Машина тронулась с места, через секунду завывла сирена.

Он прочитал на машине название госпиталя, Корнелл. Туда повезли. Возможно, ей действительно стало плохо, допрос все-таки затянулся, а она уже немолодая. Хотя вряд ли, скорее всего, ловушка. Так или иначе, он туда пойдет, отнесет ей молока и хлеба. Надо закончить это дело. Навалилась усталость, положила руку на плечо. Он закрыл глаза; какая она тихая, милая, одинокая. Кто ей принесет?

Нина БОЛЬШАКОВА

Глеб Симонов

Родился в Москве, живёт и работает в Нью-Йорке. Помимо литературы занимается профессиональным дизайном и фотографией. Публиковался в журналах «Крещатик» и «Черновик», на сайтах «Полутона», «Точка.Зрения», сетевых журналах «Новая Реальность», «Топос» и «Альтернатива». Лонг-лист премии «Дебют - 2010» и конкурса им. Н.Гумилёва - 2010.

Ничего говорю ничего ничего ничего

посвящается А.Вронникову.

**Ничего говорю, ничего, ничего, ничего
Всё от ветра идёт и всё так же
уходит на ветер.
Всё от ветра идёт, значит, нет ничего
своего
Всё от ветра идёт ничего не
поделаешь с этим,
раскатай по земле, раскури, схорони
и забудь.**

**После нас хоть трава не расти и
терновник не вейся,
за окном целина, сапоги и
заказанный путь.
На лопатах верхом или так, на
колёсах по рельсам,
не смотри, говорю, не смотри суета
суета
Бездорожие каркает, ветер уносит
под мышкой
от креста до моста, неспроста не
считают до ста.
Через дырку в кармане на землю
летит мелочишка,
всё от ветра и по одному, значит, до
одного
Значит, от одного, но никто ни за
что не в ответе,
ничего, говорю, ничего, ничего, ничего
хорошо, что есть воздух, из воздуха
делают ветер.**

Живущие у реки

**Качали вёслами рыбаки, стоящие на
песке,
Они живущие у реки, не верящие реке,
на рыбьем илистом молоке
замешивали круги.
Они живущие на реке, не знающие
реки,
вязали долго свои мешки. затянутые
в мешке.
Они боящиеся реки, молящиеся реке,
гребя с камнями в одной руке. с
камнями в другой руке.
боясь проснуться на дне реки.
проснуться в самой реке.
качали вёслами на песке стоячие
рыбаки.
они не верящие реке. не знающие
реки.**

Русалые берегини

**Русалые берегини,
широкие берега,
сложившиеся плотиной,
чтоб воду оберегать.
Прозрачные хоровады,
тянущиеся вразлёт.
покорно спасают воду
от падающих в неё.
Подводная кружит стая
в рисующей тесьме.
речится вода, играет,
и в воздухе слышен смех.**

Помывка

Мы тогда в бараке жили, рядом с аэропортом. Соответственно, о том, что где-то там, в центре города, водопровод есть, слышал я. Но вот так, живьем на него в упор посмотреть... Нет, не было такого. Не оборудовали ещё в те времена бараки водопроводом.

Поэтому мыли меня в городской бане. Где в буфете был лимонад. Или сок. Но лимонад – лучше. Потому что сладкий и с газом, пузырьки которого приятно щекотали в носу.

Правда, в баню – это с мамой. И не так, чтобы часто. По выходным, как правило. А так, обычно меня с рук на руки отдавали кому из отцовых приятелей. И мы с ним ехали на шахту.

Не помню, чтобы на проходной у нас возникали какие проблемы. Видно, начальство знало о таком способе помывки детей своих работников и давало на это молчаливое согласие.

После того, как мужики переодевались, я вместе с ними топал к аккумуляторной, где все по очереди, а кто и минуя её, получали у молодой, смешливой тётеньки соответствующее устройство, называемое батареей, подвешивали его на себя, подключали к нему фонарик на шахтерской каске и шли дальше, к площадке, на которую приходила клеть.

Если кто-то не знает, то клеть – это такой промышленный лифт, на котором шахтёры опускаются в забой и, после отработанной смены, поднимаются на поверхность.

Слышно, как гудит электромотор, с наугутой, чуть поскрипывая, идут вверх толстые, матово отливающие металлом и графитовой смазкой тросы. Остро пахнет горячим отработанным машинным маслом, а если присмотреться через железные прутья двери, прикрывающей зев шахтного ствола, то можно увидеть, как по его вертикальной поверхности куда-то вниз, в самые шахтные недра, с тихим шелестом бежит вода.

Но смотреть и слушать – не очень интересно. Лучше попросить кого из мужиков, чтобы налил в стаканчик воды, открутив батрашек на любом из кранов, что, как воробушки, устроились рядом на выходящей прямо из стены, длинной трубе. Они-то пьют прямо так, нагнувшись к направленному в бетонный желоб носику. И как только кто наклоняется к крану, так все остальные почему-то начинают смеяться, хлопать по спине того, кто, смешно двигая головой под краном, старается поймать открытым ртом бьющую в дно желоба светлую струю. А те, кто подальше, и не могут достать рукой до стоящей жестким фанерным коробом спецковки пьющего, обязательно говорят что-то типа – «В пьянстве замечен не был. Но по утрам пил холодную воду». После чего все дружно и громко смеются.

Мне не достать рукой, а тем более ртом до крана. И я пью из налитого мне кем-то стакана. Вода, такая же, как лимонад. С газом. Но невкусная. Солоноватая и с небольшой кислинкой. Правда, пузырьки – настоящие. И так же приятно щекочут в носу.

* * *

Уже в училище, когда проходил практику на ремзаводе...

Там тоже была газированная вода. Но уже из обычного, похожего на большой железный шкаф, автомата. Одного из тех, чьи многочисленные братья-близнецы очень часто стояли прямо на улице. Но не у нас. А в тех городах, что значительно южнее Воркуты.

И там надо было опустить в специальную прорезь копеечную монету. Если без сиропа. Ну, а когда хотелось сладкого, приходилось искать по карманам монетку покрупнее. С отчеканенной на её круглой мордахе цифрой «три».

А на заводе автомат наливал газировку бесплатно. Нажал на кнопку, и побежала в ста-

кан шипящая, солоноватая жидкость. На вкус – точно такая же, как и тогда, у отца на шахте. В уже далеком детстве.

Ещё немного и из шахтного ствола начинает подниматься огромная металлическая коробка. Сначала только верхним краем, потом всё больше, больше и, наконец, громко звякнув железом, ударившимся при торможении о бетонный край площадки, останавливается.

Ещё одна, но уже не смешливая и пожилая женщина, открывает двери, и на площадку из клетки – с шумом, гамом и приветственными возгласами, вываливается отработавшая смена. И среди них... Не похожий на себя, но по голосу узнаваемый отец.

Уже с ним повторяю только что пройденный путь, но в обратном направлении. Специальный стенд, на который отец вешает свой рабочий жетон, аккумуляторная, раздевалка. Которая буквально через несколько минут наполняется разноголосым гомоном, шутками, смехом и голыми, белыми, незагорелыми мужскими телами, на которых контрастом выделяются покрытые вьёвшейся угольной пылью черные кисти рук, шеи и лица с радостно поблёскивающими глазами – всё, на поверхности. И уголь ушел «на гора» и сами – поднялись!

И отец тоже. Уже голый. В одной руке мочалка с мыльницей, другой – осторожно, чтобы не измазать меня угольной пылью, не ладонью, а согнутым локтем – поторапливает. Давай, мол, быстрее. Туда, в другое помещение. Из которого слышны обрывки громкого разговора, смех, шум падающей, с силой бьющей по кафельным стенам и полу воды и какие-то непонятные шлепки, приглушенные закрытой дверью. А как только кто входящий или выходящий оттуда открывает её настежь, в раздевалку врываются клубы мутного и даже отсюда, от шкафчика с одеждой, чувствуется – горячего пара.

Но «быстрее» – не получается. Или получается, но плохо. Мешают тапки, одетые отцом мне на ноги. В них даже стараться не надо, легко войдёт не одна моя ступня. А как минимум, три. Поэтому шагать, поднимая ноги, не рекомендуется. Тяжело, да и тапки то один, то другой, постоянно сваливаются. Приходит-ся толкать их вперед, как лыжи. Правда, пол раздевалки не снег, но если приноровиться, то ничего, терпимо. Двигаться можно. Но не так быстро, как того хотелось бы отцу...

* * *

Следующий раз с этими тапками я встретился уже в армии. И как увидел их – обычные черные шлепки с открытым носком...

Увидел, и сразу легче стало. А та тревога, что с неприятным холодком легла куда-то в самый низ живота ещё на пересыльном пункте, отступила чуть в сторонку.

Конечно, оно и без каких вопросов понятно, что армия – не шахтерская помывочная. И за широкую отцову спину, в случае чего, уже не спрячешься. Да и просить кого-то незнакомого, чтобы налил в стаканчик шипучей воды с газом, – не стоит.

Но тапки... Родные, до боли знакомые и теплые своими воспоминаниями – вот они. Рядом. А значит и ты, – уже не один. А миром с любым делом справиться можно. И с армейской службой, наверное, тоже.

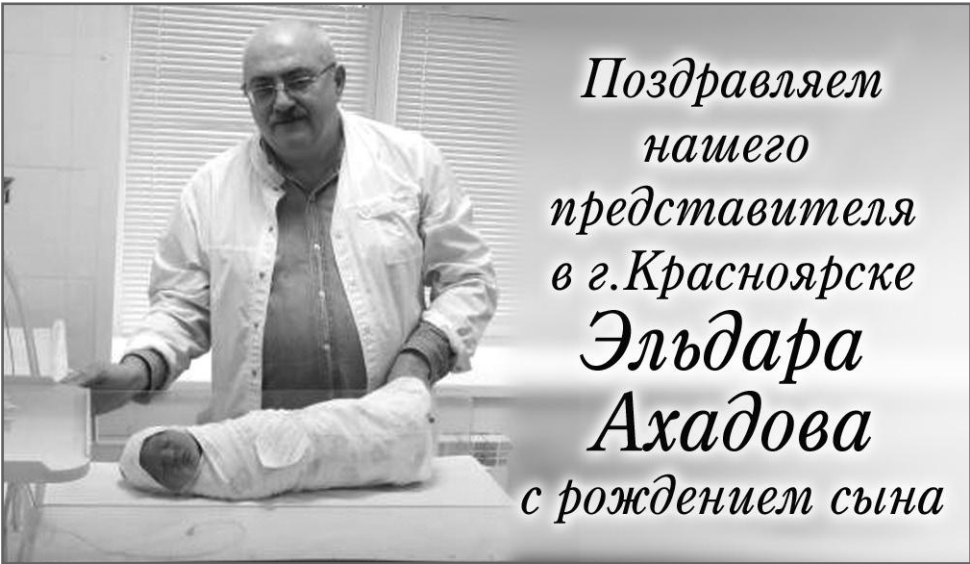
Вот же они, только руку протяни, – тапочки. Родные...

Не подведут и не выдадут. А там... Живы будем – не помрем. Если Бог не выдаст, то и свинья не съест. Отслужим!

* * *

И отслужил ведь...

Игорь МОНАКОВ
г.Петрозаводск

“ПИИТЕР”

Валерия Тёмкина

Родилась в 1989 г. в Санкт-Петербурге, где и проживает. В 2010 году получила диплом бакалавра по специальности «историческое краеведение». Сейчас студентка 1 курса магистратуры факультета журналистики, специальность «Дизайн в СМИ». Пытается разумно сочетать две сферы своих интересов. Участник ЛИТО «Пиитер» с 2010 года

* * *

Жаровня Ташкента. Оплакали, спать уложили в сухую долину
Тот день, что качался как девочка с каблучка на носок.
Что был весь пахуч и горяч, как яблок сушеные кольца, и длинные,
Длинные тени под полдень бросал на восток.
Город военный небом, как тубетейкой, прикрыт.
Анну хоронят, несут через улицы, топчут траву у обочин.
Завёрнута в шаль, что так часто видала корыто.
Повсюду узнают потом — без поезда новости долгие очень.
Жаровня Ташкента. Марево.
Русские носят платки и халаты.
Из дома везли абажуры, платьев атлас, детские ванны...
Город цветущий, голодный, шатаясь, стоит и глядит виновато
На день, где ему никогда не простили бы Анну.

Виктор Ганч

Биолог-эколог, научный сотрудник и преподаватель. Родился 1958 г., живет и работает в Санкт-Петербурге. Один из основателей и редактор литобъединения «ПИИТЕР». Координатор литературного фестиваля «Петербургские мосты» и конкурсов им. Н.С. Гумилева и «Первый автограф». Печатался в журналах «Интерпоэзия» (США), «Новый берег» (Дания), «Бельские просторы», «Северная Аврора», «Сетевая поэзия», сборниках «Южный альманах» (Израиль), «Аничков мост» и др. Автор сборников стихотворений «Игра в миражи» (2000) и «Знаки дождя» (2010).

Март

Да, это просто месяц март - и с крыши снег, со снегом крыша стремится съехать, и мы дышим пьянящим воздухом. Азарт сменяет робость, силу - нежность, И заполняют безмятежность весны оружие коты... И ты, мой Брут, и даже ты.

* * *

Запоздалый прохожий во тьму углубляется, путь его долог, словно лодок бессмысленный волок — ни к чему, ни к чему, ни к чему.

Санкт- Петербург

ЛИТО «Пиитер» родилось 18 октября 2000 г. в Санкт-Петербурге как объединение авторов, познакомившихся на просторах Литературного Интернета. Основателями ЛИТО были Дмитрий Легеза, Сергей Ляшко и Виктор Ганч. В настоящее время в составе ЛИТО более 100 авторов из Петербурга, других городов России и зарубежья.

ЛИТО позиционирует себя как сознательное объединение авторов, пишущих в разных стилях и представляющих различные направления в современной поэзии, но обязательно опирающихся в своем творчестве на лучшие традиции отечественной, и особенно, петербургской поэзии. Нам было недостаточно виртуального общения, хотелось реальных встреч, обсуждений, совместных выступлений и совместной учебы. Все это и многое другое реализуется в текущей работе ЛИТО уже в течение более 10 лет.

Объединение имеет свой сайт www.piiter.ru, проводит регулярные заседания, с 2000 г было издано три поэтических альманаха, 6 авторских сборников в серии «Библиотека ЛИТО «Пиитер». Авторы публикуются в литературных журналах, успешно участвуют в литеой организатор ежегодного открытого литфестиваля «Петербургские мосты», организует выезды авторов с выступлениями в другие города России и за рубеж. Не имеет прецедента практика «Пиитера» по созданию поэтических капустников, которые мы успешно демонстрируем на различных фестивалях.

Текущую работу ЛИТО ведет редколлегия, в составе: Дмитрий Легеза, Виктор Ганч, Галина Илюхина и Ольга Хохлова.

Виктор ГАНЧ

Он уже разменял не один лет бессмысленный серый десяток, пропылился от шляпы до пяток — всё в пути, всё в пути, всё в пути.

Ни к чему ни молитвы слова, ни советы седых эскулапов — он почти что приблизился к трапу — и обвал, и обвал, и обвал.

Не обрыв, а туман и река. Весла на воду. Здесь не хоронят, На реке только лодка Харона так легка, так легка, так легка.

Элина Леонова

Родилась в Ленинграде в 1990 году. Учится в Санкт-Петербургском университете. В 2008 году финалист конкурсов им. Н.С.Гумилева и «Поэтому». В 2009 и 2010 году входила в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия», в 2010-м — в лонг-лист Григорьевской премии.

Произведения публиковались в различных сборниках и альманахах -«По черк», «Молодой Петербург», «Как хорошо уметь читать» в 2007, 2009 и 2010 гг. В 2010 году стихи опубликованы в Литературной газете (№ 27), журналах «Знамя» (№ 4) и «Северная Аврора» (№ 12). Участник ЛИТО «Пиитер» с 2007 года.

* * *

Стрекочет в капюшоне у Катара животное из солода и пара;
Катар вращает спицы, будто весла, гребет сквозь одичалые ремесла и вяжет из субстанции колючей тяжелый хвост сдвигающейся тучи.

Он любит вас, вывазывая хвост. Напротив, на картонной колокольне мой капитан во весь немалый рост сияет, как звезда - произвольно.

Собор вращает колокольни обод, вытягивает шпиль, как будто хобот, хватает птицу, птицу тащит в рот и совершает полный оборот.

Ах капитан, ведь это вас воркуют; и в этот день ваш небывалый свет поднимет кверху музыку такую, какой на свете не было и нет.

Собор трубит, как слон на водопое, а человек в округе только двое: считающий колючую петлю - он любит вас (о, как я вас люблю); и тот, не говорящий ничего, внимательно смотрящий на него.

Владимир Захаров

По образованию инженер, живет в Санкт-Петербурге, работает в сфере IT, участник ЛИТО «ПИИТЕР» с 2006 г, редактор литературного портала Точка Зрения.

Час пик

Промозглых дней назойливая россыпь,
Когда коллег дурацкие вопросы Тебя вотще нервируют и злят,

Когда из недр попутного трамвая,
Внимание от книги отрывая, Тебе кольнет зрачок случайный взгляд

Какой-нибудь студентки незнакомой,
И ты, уже объят осенней комой, Поднять не можешь глаз,

Но чувствуешь его нутром и кожей,
И падаешь, подстреленный прохожий, В подземный лаз,

Когда сквозь сон, на вязкий сумрак глядя,
Ты говоришь себе — скажи-ка, дядя, А сам молчишь как сом,

Приходит ощущение утраты,
Листом опавшим вниз летишь с утра ты, Бессмыслен, как и он, И невесом.

Глубина резкости

Мир за окном собирается в фокусе, делаясь резче,
Глубже врезается в память пейзаж за окном, а

В спину глядят молчаливые хищные вещи -
Вот телевизор с лицом вероломного гнома,

Или диван, раскрывающий жадные губы,
Тоший торшер тянет тонкую твердую руку,

А календарь с ядовитыми видами Кубы Манит в полет по седьмому финальному кругу,

Ложные окна тарашит, ощерясь, экран ноутбука,
Тащит за кончики пальцев в бездонные сети,
Скалится двери в прихожей заглавная буква,

Предупреждая, что в свет тебе выйти не светит.
Не поддавайся, снаружи в расплывчатой жиже

Ветер и дождь, и намокшие листья кружатся,
Вертят тугую рулетку последнего шанса —

Створку откроешь, и небо становится ближе.

София Юхименко

29 лет. Родной город - Череповец. Учеба: философский факультет СПбГУ, аспирантура, диссертация. Работа не по профессии. Пишу давно. Участник ЛИТО «Пиитер» с 2010 г.

Тихий час

Тяжело, мама, тяжело, мама, тяжело!
в тихий час, мама, приходи, мама, в детский сад.
Я лежу, мама, а в груди - целый эшелон,
и колеса стучат: назад, забери назад!

Пожалей, мама, пожалей, мама, пожалей!
Я такая большая дурочка у тебя, я сбежала туда, где гуще и тяжелей,
где железными позвонками пути скрипят.

Все чужие вокруг, чужие, им хорошо. Я боюсь их, мне не до шуток и не до сна.
Если б ты, или хотя бы папа за мной пришел!
И увел бы туда, где солнце и тишина.

Память

Там огни кольцевой и немое багровое небо или: куполом падает вниз голубая лагуна.
Не могу не писать, не могу написать, не пишу, но звонкую небыль.

На вчера и сегодня поделено сонное тело, отдаю высоте трепетанье пернатых лопаток.
и душа черепахи тверда и верблюжьи горбата,
но поднимется дно - и опять, и опять опустела.

За колоннами солнца и тысячью форточек лунных, прикасаясь ладонями к новой беспечной коже,
из карманного зеркала глянут в меня тревожно и огни кольцевой,

Любовь Лебедева

Родилась в Ленинграде. Закончила СПбГУП. Училась в литературном клубе «Дерзание». Стипендиат программы SLS. Шорт-лист Премии Дебют. Член оргкомитета поэтического конкурса «ПОЭТому». Победитель Слэма-2009 и парного Слэма-2010. Соавтор мультимедийного диска «Поименно», созданного в поддержку детского интеграционного театра «КУКЛЫ». Живет в Санкт-Петербурге. Участник ЛИТО «Пиитер» с 2010 г.

Угомон

По твою буйну голову придет угомон, Сядет у изголовья и давай волосы перебирать:
Черный волос оставит, седой волос вон, Черных волос много, седых - как знать.
Это злое время течет дашь нам днешь, как угрюм-река, повороты горьки.
я любила одного, да он вышел весь в проем окна, в пойму реки.
Только и осталось, как спать до утра под живую водою, где каждый глоток обжигает губы - пора-пора, и летит по ветру седой волосок.

Павел Синельников

Родился в 1982 г. в Северодонецке (Украина). С 18 лет пишет стихи и живет в Петербурге. По образованию учитель, но работает не по специальности. Участник ЛИТО «Пиитер» с 2009 г.

Леониды

Ну и дела: покурить вышел,
а на дворе - словно днём - ясно;
лунно и звёздно, и крыш выше -
облака пористого пластырь...

Ветер слегка шелестит вязом,
Птица ночная вспорхнёт с ветки...
Небо глядит тысячеглазо
пристальным взглядом, лихим, цепким.

Так и стою, поражён видом...
Кликнут из дома - поспел ужин.
С неба срываются леониды,
Сыплются прямо в мою душу...

И хочется выжить...

И хочется выжить, чтоб видеть вот
это хотя бы:
Холодный, простуженный город,
возможно, октябрь.
Дождит. Вечереет. Проспекты
слезят фонарями.
Метро, как обычно, щетинится
злыми локтями.
И я - неподвластен толпе и
капризам стихии.
И ты под зонтом. И глаза твои
очень сухие.

Рахман Кусимов

Родился в 1983 году в Перми. С 2001 года живет в Петербурге. Участник ЛИТО «Пиитер» с 2005 года. Публиковался в различных поэтических альманахах. В 2006 году вышел сборник стихов «Приветы Времени». Лауреат молодежного поэтического конкурса «ПОЭТому» (2006 г.). Победитель поэтического конкурса им. Н.С.Гумилева «Заблудившийся трамвай» (2007 г.). Член Союза Писателей Санкт-Петербурга

Так и живу. Отгачиваю фразы,
Люблю тепло. Промозглость не люблю.
В году бываю счастлив два-три раза:
Всё чаще в мае, вряд ли к ноябрю.

Осталось - жить, не меньше,
чем осталось,
И надо быть не меньше, чем собой,
Но чувствуется лёгкая усталость
От неосуществлённости любой.

Проронишь слово, а оно - из света,
(Мой лексикон подобного лишён).
Ты вся - стихотворение, и это
Красиво, безнадежно, хорошо.

И то звучишь невысказанной скорбью,
То в радостном безмолвии права,
Когда мелькают, как в калейдоскопе,
Слова и вещи, люди и слова.

Дмитрий Легеза

Родился в 1966 г в Ленинграде. Врач по образованию, живет в Санкт-Петербурге. Один из основателей и редактор литобъединения «ПИИТЕР.» Координатор литературного фестиваля «Петербургские мосты», конкурсов им. Н.С. Гумилева и Д. Хармса. Печатался в журналах «Знамя», «Интерпоэзия» (США), «Новый берег» (Дания), «Бельские просторы», «Петербург», «Северная Аврора», сборниках «Южный альманах» (Израиль), «Платформа XXI век», «Аничков мост» и др. Автор сборников стихотворений «Башмачник» (2006), «Кошка на подоконнике» (2010). Член Союза писателей СПб и Союза российских писателей.

Мне море говорит с набитым ртом
по-гречески, похоже, и притом
ругается, как матросня в притонах,
о, черное, о, что оно несет,
и сразу видно — перс его не сек,
еврей не рассекал до впадин донных.

Да где его воспитывать, кому,
не сыщешь воспитателя в Крыму,
куда пойти - к туристам ли, татарам,
давно плевать волнам его, ветрам
на мой укор и красноморский шрам,
и царственную плеть над Гибралтаром.

мы с хулиганом этим говорим
о том, что вытек раскаленный Крым,
как будто крем из дырочки в эклере,
из континента — и застыл едва,
и море выдает порой слова,
что и гребец краснел бы на галере.

Литдесантник

В деревню летят писатели,
когда наступает срок;
дождись меня обязательно,
неведомый хуторок.

Зеленый, как понедельник,
замру в салоне АН-2:
- Ну что, браток, полетели?
- Давай.

- Смотри, - говорит пилот мне, -
их в этом районе сотни:
речное есть и болотное,
низинное и высотное.

Я их изучаю долго,
читаю снова и снова:
огородное и садовое,
и озерное, и лесное.

Туда доберусь лишь затемно -
вот книги и фляга кофе, -
дождись меня обязательно,
село незнамо какое.

По дворам у них всё гуси, да цыплята,
там не знают ни бандитов, ни полиции,
и крестом за небо церковка цепляется -
не дает земле под землю провалиться.

Стану толстым и буду курить сигары,
на week-end выпускать зеленого змея,
буду в меру больным, буду в меру старым,
ну, а кошка моя, что случится с нею?

У меня будет кресло в стиле Вольтера,
у меня есть книги тоже Вольтера,
и порой какая-нибудь гетера
забежит ко мне на бокал мадеры

Мой водитель точен, а повар тучен -
итальянской любит баловать снедью,
у меня будут кони и будет кучер,
ну, а кошка моя, что случится с нею?

Лопухий друг мой, уставший за день,
ты лежишь небесных агнцев смирнее,
твой хозяин станет богат и жаден,
ну, а кошка его, что случится с нею...

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «ВОЛНЫ КИНЕРЕТА»

г.Тверия, Израиль

Нынешний 2010 год для нас юбилейный — нашему литобъединению ровно 10 лет. Приехав в Израиль, в маленькую Тверию в конце 90-х, я поняла, что не выживу без общения с любителями русского слова, и стала искать таких людей. С мая 2000-го мы существуем в Тверии при Доме репатрианта (Бейт оле) как литературное объединение «Волны Кинерета» («Галей-Кинерет» на иврите). Кинерет — это роскошное озеро, на берегу которого мы живём. Каждую неделю по четвергам мы собираемся и общаемся три часа. Это и консультации для начинающих, и знакомство с ивритскими поэтами-классиками в русском переводе. Но главное — мы слушаем друг друга: читаем стихи, прозу. Тут же, не откладывая, обсуждаем. Наша критика очень нелицеприятна, подчас сурова, но полезна. Раз в месяц у нас по воскресеньям либо презентация новых книг наших коллег, либо именитые гости из центра страны или из-за рубежа. Сегодня нас уже 20 человек - и пенсионеры, и работающие люди: врач, массажистка, экскурсовод, пианистка, электрик. Возраст — от 29 до 80+. За плечами у нас Молдавия, Литва, Ленинград, Крым, Москва, Полтава, Ростов, Барнаул, Львов и пр. Большой нашей удачей является то, что литобъединение имеет свой печатный орган — альманах «Тивериада» (так в старину звалась Тверия). Недавно презентовали 4-й номер. У большинства моих коллег вышли уже свои книги стихов и прозы. А теперь разрешите представиться и представить своих друзей.

Любовь ЗНАКОВСКАЯ

Любовь Знаковская

Родом из украинского Полесья (городок Олевск). Автор 8 книг стихов и прозы, выпущенных в свет в Крыму, Москве, Тель-Авиве, Иерусалиме. С 1997 года живёт в Израиле, в Тверии. Руководит созданным ею литобъединением «Волны Кинерета» и редактирует альманах «Тивериада». Член Союза писателей Израйля.

Графика

Веронике Шевчук

Пишу. Живописую Время.
Графически творю его,
Чтоб подрастающее племя
Сравнило с ликом своего.

И чтоб остановить мгновенье
На этот миг, на этот час,
Запечатлеть телодвиженья
Тысячелетия при нас.

Как Пимен, что писал уставом,
Пишу по белому черно.
Я — летописец. Я оставляю
В мой век открытое окно.

И это со мной непременно случится —
Пропахнут окрестности дикой горчицей
И в жёлтую зелень нырнут пустыри,
И вальсом вздохнут:
Раз-два-три!..
Раз-два-три!..

Как будто совсем не обучен манерам,
Прольётся по горлышко полный
Кинерет,
И сквозь твердолобый

прибрежный бетон
Пробьётся, неведомо как, анемон.
Я это увижу, я это услышу
Под зонтиком неба,
под куполом крыши,

На тропках,
протоптанных здесь до меня
В апрельских лучах пробуждённого дня.
И звуки, и запахи, и многоцветье
Из прошлого в это волюются столетье...

Не сразу пойму, что со мной говорит
На равных язык моих предков — иврит...

Лариса Шиллер

Репатрировалась из Украины, из города Полтавы. В Израиле с 1997 года. Живёт в Тверии. Работает в музее «Доны Грании». Публикуется в альманахе «Тивериада» и в «Ежегодниках» издательства «Э.РА».

Из цикла «Галопом по Европам»

Париж, Париж — потом подробно.
Луара, Сена — бесподобно!..
Роден, Рембо и Модильяни...
А где-то там, на расстоянии,
В часах немногих перелёта, -
Моя любимая работа
И ахи-охи хилых дам...
А здесь — Монмартр и Нотр-Дам...

Злосчастный круг. Пусть будет выпит
Квадрат и параллелепипед.
В огнях весёлого Парижа
Бордо вливая в твою кровь,
Мелькнёт улыбкою любовь...
Листвой осенней, поздней, рыжей
Взмахнёт безудержный канкан.
И, обозрев красоты Ниццы,
До Монте-Карло прокатиться,
Как мот, бретёр и бонвиван*.

*Бонвиван — (франц.) бездельник

Сан-Суси*

Как тихо, и в душе моей
Сфумато** утренних туманов.
Я без забот среди фонтанов,
Террас, ухоженных аллей
Бреду, бездумно наслаждаясь
Уединенья волшебством,
Высоких елей торжеством
И утром ранним. Притворяясь
Виденьем призрачным, дворец
Вдруг возникает из тумана.
Мир без забот — всё без обмана! —
Я обретаю наконец.
Там, за дворцовой оградой,
День паутинкою дрожит,
А жизнь осенью прохладой
Меня незримо сторожит.

*Сан-Суси - (итал.) без забот.

**сфумато — (итал.) дымка

Израиль

Сергей Корабликов-Коварский

Родился в 1942 году в Вильнюсском гетто. По профессии – врач, практиковавший в Литве, Йемене, Индии. В 1991 году репатриировался в Израиль, в Тверию. Автор трёх поэтических сборников. Публикуется в альманахах России, Литвы, Израиля. Член Союза писателей Израиля.

Списки

Здесь нет цветов и обелисков –
Музейный домик без затей.
И среди книг и снимков – списки
Нас ... в гетто согнанных детей.

Известны списки наградные-
Похвал, фамилий круговерть;
Есть - в отпуска очередные;
А эти ... в очередь на смерть!

В них жизнь и смерть стоят так близко!
Граница - запись на листе...
Благодарю вас, недописки,
Вы жизнь спасали в годы те!

Спасали нас, спасали наших
Тайком родивших матерей -
Прощальным взглядом их украшен
Наш путь от геттовских дверей.

Нас укрывали, зарывая
Среди тряпья, среди “малин”,
И, как котят, передавая
На дне коробок и корзин.

Я родился в чердачных высях,
Молчаньем право заслужив
На то, что в список не был вписан,
И потому - остался жив.

Николай Козаченко

Репатриировался из Краснодара в Израиль в 1997 году. Театральный художник по свету. Автор двух книг. Публиковался в различных литературных альманахах «Хронометр», «Тивериада», «Год поэзии. Израиль 2009-2010»

Удиви!

Удивляться перестану
Красоте, вокруг пролитой,
Если серыми предстанут
Эти краски на палитре
В акварельных переходах,
Разливающих нежно,
Как речные пароходы
В разукрашенных одеждах.
Удивляться небу, росам
И прохладе утром ранним,
И ответам на вопросы,
И вопросам очень странным...
Я способность удивляться
Сохраню как дар небесный.
Я готов тебе признаться:
Мне не вкусно всё, что пресно!
Не любил я серость сроду:
Серое – тоскливо, зыбко...
Удиви своим приходом!
Подари свою улыбку!

Паулина Чечельницкая

Репатриировалась в Израиль из Молдавии в 1991 году. Преподаватель иностранных языков. Автор четырёх книг. Публикации в альманахах: «Год поэзии. Израиль, 2007-2008, 2009-2010», «Поэзия. Ежегодник. США. 2010» и журналах «Хронометр», «Резонанс», «Тивериада».

Увертюра

Заезжий камерный оркестр
Играл для нас в старинном стиле.
Златою музыкой небес
Звучал божественный Россини.

Взлетали звуки так легко –
То страстно, то, как флирт, игриво...
Своей холёною рукой
Меня коснулся Альмавива.

Любимец публики, герой
Очаровательно упрямый,
Летал по сцене Фигаро,
Спасая честь прекрасной дамы.

А в блеске гаснущих свечей
В тяжёлых складках кринолина
Лукаво пряталась Розина,
Дразня улыбкою своей.

И заключительный аккорд,
Такой пронзительный и нежный,
Как возвращение надежды,
Связавшей ниточку веков.

Галина Азбель

В Израиле с 1992 года. Публикуется в «Новостях недели», в альманахе «Тивериада», в ежегодниках «Год поэзии. Израиль». В 2009 году вышел в свет сборник стихов «Я- буква из Твоей Торы».

День Победы

Ветеранам Второй мировой

Он шёл к нам сквозь сплошной пожар,
Сквозь боль, страдания, Бабий Яр!
Сквозь топки газовых печей,
Сквозь слёзы вдов и матерей,
Сквозь изощрённый ад злодейства
Для европейского еврейства!

Хоть для истории седой
День этот майский – молодой,
Но только мало ему равных
Средь подвигов высоких, ратных!

Победа! Слово-то какое!
Оно в награду нам дано...
Его мы вынесли из боя
И, словно знамя полковое,
Храним у сердца своего!

Редее ветеранов строй
Второй Великой мировой...

Давно отгремели раскаты войны,
Оделись в легенду военные были,
Но всё ещё снятся солдатские сны
Тем, кто в сраженьях Победу добыли...
Такое вовек не дано Вам забыть.
Война Вас особой отметила метой:
Ушедшим на смерть, Вам
предписано: «Жить!»
И где?! На земле своих предков при этом!

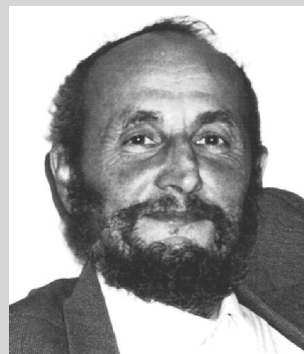
Владимир Горенштейн

Родился в 1941 году в Барнауле, в эвакуации. Репатриировался в Израиль в 1990 году. Автор пяти поэтических сборников, увидевших свет в Тель-Авиве и Иерусалиме. Публикуется в альманахах «Хронометр», «Тивериада», «Русское эхо».

Если...

1
Если ночью зимней сон в бегах,
Если долу – простыней позёмка,
Если подоконник с подбородком
Не разнять аж до зари никак,
Если, не унявшей дрожь, фрамуге,
Что улыбку с грустью стережет,
Радостно, а эти две подруги
В абрисе ладоней без забот
Шепчутся до самого рассвета –
В тайниках морозного окна
Праздник: то ли юная весна,
То ль июля зной, то ль бабье лето!

2
Если ночь сомнениям огранка,
Если с хилым, трепетным огарком
К окнам льнёшь, как будто к образам,
Если тени рыщут по углам
В унисон с ознобом занавесок,
Если скрипы сиротливых веток,
Словно долгожданные шаги,
Если стрелки на часах – враги,
Если тишь встревожена, как улей,
Если грусть сомненья захлестнула,
Если тает заодно с огарком
Фитилёк надежды...
Что ж так жарко?..

Семён Эпштейн

Родился в Ленинграде в 1946 году. Образование высшее – физик и математик. Кандидат технических наук. В Израиле – с 1990 года. Публиковался в «Новостях недели», альманахе «Тивериада» и местной периодике.

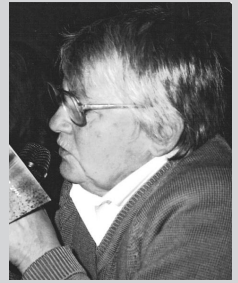
Прощай, весна

Ну, вот и пролетели март-апрель:
Пожухли скалы, спрятались фиалки,
Колочек заросли сухи, мертвы и жалки,
И в чёрных пятнах склонов акварель.

Цветами яркими покрыл деревья май.
Прохладно ночью. Днём жара пылится
И красит жёлтым улицы и лица...
И плачет дождиком Весна
своё «прощай»...

Приходит время говорить «пока»,
Пока не ощущаешь вкус потери.
Пока в любовь и веришь, и не веришь,
И бьётся пульсом строчка у виска.

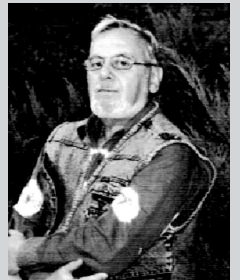
И сладко видеть музыку лица,
И больно думать о потере смысла...
Но птицей вольною
взлетает коромысло
Весов судьбы. И песне нет конца.

Светлана Игошина

Москвичка. Закончила филологический факультет МГУ. Работала редактором в издательствах МГУ и «Искусство». Репатриировалась в Израиль в 1996 году.

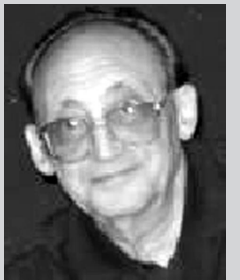
Когда тоска закупорит вены –
смолою стугнется кровь,
И ветви сойдутся в тугом изломе,
как вопль непонятных слов.
За море уйдёт, вымирая, свет,
по холодным зыбьясь волнам,
Туман, устав поджидать рассвет,
приляжет, дрожа, к кустам.
Впитает земля смятенную дрожь,
вздохнёт, охлаждая тоской,
Вонзится в песок заржавленный нож –
грустный напев ночной...

Владимир Бердичевский

Родился в 1937 году. В прошлом – москвич, ныне – тверитянин. Образование высшее, техническое. В Израиле – с 1991 года. Печатаются в альманахе «Тивериада», в ежегоднике «Год поэзии. Израиль – 2007». В 2010-м году вышла первая поэтическая книга.

Окунаюсь *Маме*
в твой шепот,
в твою хрипоту.
Растворяюсь
в ладонях твоих
и... расту –
Возношусь –
погружаясь.
Твои зрячие пальцы
пробегают по лбу
Совмещают
в притроге
любовь и мольбу.
Наяву,
как во сне,
улыбаюсь.
Возношусь...
Погружаюсь...
Каюсь...

Анатолий Зусман

Репатриировался в Израиль из Ростова-на-Дону в 2005 году. Инженер-электрик. Автор приключенческого романа «Одиссея далёкого предка» и книги повестей и рассказов «Дорогами войны»

Инфинитивное

Предать. Омыть слезой горючей.
И душу словно заковать,
Как толстый лёд в мороз трескучий,
И лишь на Бога уповать.

От безысходности напиться,
Склониться буйной головой,
Терпеть вокруг чужие лица
И петь, и петь за упокой.

Лечь под стекло в анабиозе,
Рукою вечности коснуться,
Писать стихи, но лучше в прозе,
И неожиданно проснуться.

Марина Супрунова

Родилась в 1990 г. в Донецке, на данный момент - курсант Государственной лётной академии Украины, специальность - авиадиспетчер. Стихи публиковались в интернет-изданиях «Сетевая словесность» и «Новая реальность».

Суеверие

Известное дело - чтоб черти не грызли кору на деревьях, их мажут известкой, а к веткам привязывают колокольцы, чтоб школьный учитель не вешался снова. Попомнив моих упокоенных братьев, меня нарекли при рождении тёзкой, и бабка клянется: с тех пор среди ночи, с терпением опытного птицелова, являлся под окнами некто. Таился, как тать, и вслух называл имена, но не мог угадать.

С приходом весны и дышалось легко мне, и думалось, что умереть стариком мне, звеня оберегами, в омут небесный ныряли с утра ледяные деревья, уютно посвистывал чайник в каморке со всеми задатками каменоломни, а он все ходил. Нехорошее что-то глядело на мир сквозь седые отрепья, глядело мне в душу, пытало: “да как тебя звать?” Гдало-гадало, никак не могло угадать.

Чем дальше, тем реже я мог, не смущаясь, его полоснуть безответной улыбкой. Однажды он выпрямил черную спину, и в ней оказалась казенная сажень. Вошел не стучась и уселся напротив. Со старой клеенки, размокшей и липкой, смахнул горстку крошек, а вместо насыпал дорожку дремучей, зияющей саж. И брызнул слюной через стол: “Не мели чепуху”. Сейчас ты мне скажешь, сейчас ты мне как на духу.”

Тогда я назвался, а он засмеялся с фальшивой чувствительностью камертона и вздрогнул, как будто нечаянный кто-то сейчас помочился ему на могилу. “Допустим”, - и снова смеется, “допустим” коль скоро мы тёзки, то ты - абаддона.” И больше не смог засмеяться, поскольку увидел мой взгляд и немедленно сгинул. Я сажу развею, а сам удавлюсь дотемна, чтоб больше никто не давал мне свои имена.

Прощание с садом

Опечален мой сад, опечатан седыми мавками.
Говорят: “Полезай на сук, посиди часок
и послушай, как из-под наших тувелек с чавканьем
неуёмный сок потечёт, неутешный сок.
Полубуйся - родится вино из синюшных паданцев,
из чахоточных смол белой яблони-на-кости,
и от чаши сей ни окопаться тебе, ни спрятаться -
угостим, угостим, обязательно угостим!

Для таких у нас самые лучшие пляски и песни есть.
Оттого, что у вас с мирозданием нелады,
кривороты вы молитесь да леворуко креститесь, -
многогрешных нас десантируют к вам в сады,
где дана нам власть и хулить, и казнить, и миловать,
на воробушков рыкать и цыкать на волчью сыть,
и кормить непослушных детишек гнильём кизилковым,
а послушных на небо за пазухой уносить.”

И защёлкали клювами, крыльями-то захлопали,
мол, тебя, когда надо, подхватим и унесём.
А в саду моём, прости господи, как в Чернобыле -
чернобурые лисоньки мочатся в чернозём.

Казачи-разбойники

Оставайся, мальчик, с нами. Здесь красиво и привольно,
здесь болтается рыбешка на взлохмаченной веревке,
а у деда подбородок до смешного треугольный,
все соседи - побирушки, дембеля и полукровки.

Зеленеющим колечком в кружке стал глоток кефира,
без тебя в потешном войске процветает беспорядок.
Оставайся, мальчик, с нами, будьешь нашим командиром,
ты найдешь нас где оставил - на качелях, среди грядок.

Будем в ножичка и штандер, в поддавки и подкидного,
речка будет пахнуть медью, речка будет цвета меди,
будут жариться на солнце бородавки остановок,
а под ними - ждть трамваев белозубые соседи.

Ты найдешь нас - оловянных, полувыцветших, незрячих,
инвалидов-футболистов. размноженного солдата.
Оставайся, мальчик, с нами, снова - с нами, снова - мальчик.
потому что это честно, потому что так и надо.

Если человек талантлив, то он талантлив во многом

Сегодня мы познакомим наших читателей с интересным творчеством Александра ГамИ, но мне хочется не просто представить творчество Александра, но включить часть из нашей беседы и более обзорно узнать о творчестве Александра. Итак:

- Александр, какой уровень исполнителя должен быть у оперного певца, чтобы петь в бременской опере?

-Для того, чтобы работать в опере, и в бременской тоже, человек должен иметь голос достаточной силы и диапазона, чтобы справляться с оперными партиями. Ещё он должен чувствовать ритм и знать музыкальную грамоту, чтобы читать ноты.

- Есть ли отличие слушателей у классической оперной арии и у авторской лирической песни?

-Думаю, что отличие есть. Слушание оперных арий предполагает определённый навык слушания классической музыки, некую музыкальную подготовку. Этому тоже надобно учиться. Авторская песня доступна для более широкого круга слушателей.

Хорошо, теперь перейдем к твоему новому стилю в творчестве. У Германа Гессе есть роман «Игра в бисер», в котором герой хочет стать мастером слова. Он теряет практически все в том числе и свою невесту. Он часто жалеет о том, что всего себя отдал мастерству в словесности. В этом рассказе пространная концовка, герой романа как бы уже воплотился в того старика — учителя, и смотрит как по реке плывут огни и лодки. Рассказ — завораживающий, дает ли он тебе соотнести твой новый стиль “Однословный многорифм” с особым плетением бисера, который может в одно мгновение просто рассыпаться на совершенно не связанные слова. Ведь то, что когда они как бы нанизаны в особый столбец, обозначает определенное искусство владения словом. Александр, если можно, постарайся более подробно рассказать нашим читателям о такой технике. Ответь мне, правильно ли я понял суть такого стиля в писании?

-Действительно, Однословный многорифм похож чем-то на игру в бисер, где совмещается и поэзия, и математика. Но многорифм - это не самоцель, писать только так и не иначе. Это всего лишь форма, с помощью которой можно реализовывать свои творческие возможности. Стихи можно писать в форме хокку, в форме сонета, а можно в форме “Однословного многорифма”. А как уж ты сможешь выразить себя в этой форме зависит от твоего вкуса, умения и опыта.

У Однословного многорифма есть 4 критерия его написания:

1. Стихотворение должно быть кратким (современный читатель успевает бросить лишь один взгляд на произведение).
2. Каждое слово в стихотворении должно иметь свою рифмическую пару (для наглядности приводятся цифры).
3. Стихотворение должно содержать не менее трёх рифмических пар.
4. Стихотворение должно иметь смысловое значение, а не быть набором рифмующихся между собой слов.

- Спасибо Вам, Александр, за интересную беседу, за ответы на мои вопросы. В завершении нашей беседы я попросил бы Вас для наших читателей представить свое творчество именно в таком интересно построении стиха.

Беседу провел Сергей ПАШКОВ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

- 1 Пусть биться
- 2 В дверь
- 3 Дикаря

- 4 Нет
- 5 Сил
- 6 И умения, -

- 2 Поверь:
- 4 Поэт
- 5 Получил
- 3 Не зря

- 1 Частицу
- 6 Благословения!

ЛЕГКОМЫСЛИЕ

- 1 В безукоризненном
- 2 Вечном
- 3 Экстазе,

- 4 Как перелётные
- 5 Птицы,

- 6 Наши
- 7 Желания
- 8 Неудержимы.

- 4 И в искромётном
- 7 Сиянии
- 3 Наземь

- 2 Беспечно
- 5 Сочится

- 6 Чаши
- 1 Жизненной
- 8 Содержимое.

ЭТАЖИ

- 1 Человеки,
- 2 Как снег,
- 3 Парят
- 4 По наитию,

- 5 В изрядном
- 6 Количестве
- 7 Праздно
- 8 Кружа...

- 1 И из века
- 2 В век
- 5 В неравном
- 4 Развитии

- 3 Творят
- 7 На разных
- 6 Кармических
- 8 Этажах.

БЕЛЫЙ ВОРОН

- 1 Жить
- 2 Лечу
- 3 Смело
- 4 В сторону,

- 5 К терниям
- 6 Напрямки.

- 1 Быть
- 2 Хочу
- 3 Белым
- 4 Вороном,

- 5 Мнениям
- 6 Вопреки.